

ПИСЬМА ИОГАННЕСА ФОН ГЮНТЕРА ИГОРЮ ЧИННОВУ 1960–1971 ГОДОВ

Вступительная статья, публикация и перевод Л.Г. Арустамовой, М.А. Истомина, А.З. Кадырова, А.В. Хлыбовой, Ю.А. Эдрисиан, подготовка текста и комментарии Л.Г. Арустамовой, М.А. Истомина, А.З. Кадырова, А.В. Хлыбовой, Ю.А. Эдрисиан, Е.В. Безмен

Публикуемые письма хранятся в ОР ИМЛИ РАН в личном архиве поэта «первой волны» эмиграции Игоря Владимировича Чиннова (1909–1996). Иоганнес фон Гюнтер (1886–1973) — немецко- и русскоязычный писатель, поэт, переводчик, издатель. Он был активным участником русской и немецкой литературной жизни начала XX в. — в то время он не раз бывал в России и подолгу жил здесь. Ганс фон Гюнтер, так он тогда писал свое имя. (С октября 1909 г. в печати он стал подписываться своим полным именем, Иоганн.) Иоганнес фон Гюнтер был знаком со многими русскими писателями и поэтами. Александр Блок посвятил ему известное стихотворение:

Г. Гюнтеру

Ты был осыпан звездным цветом
Ее торжественной весны,
И были пышно над поэтом
Восторг и горе сплетены.

Открылось небо над тобою,
Ты слушал пламенный хорал,
День белый с ночью голубою
Зарею алой сочетал.

Но в мирной безраздумной сини
Очарованье доцвело,
И вот — осталась нежность линий
И в нимбе пепельном чело.

Склонясь на цвет полуувядший,
Стремиться не устанешь ты,
Но заглядишься, ангел падший,
В двойные, нежные черты.

И, может быть, в бреду ползучем,
 Межу не в силах обойти,
 Ты увенчаешься колючим
 Венцом запретного пути.

Так, — не забудь в венце из терний,
 Кому молился в первый раз,
 Когда обманет свет вечерний
 Расширенных и светлых глаз.

19 марта 1906¹

Иоганнес фон Гюнтер родился 26 мая 1886 г. в Митаве (совр. Елгава), столице Курляндской губернии (ныне — территория Латвии). Жил в Германии. Он автор пяти книг стихотворений, романов, пьес, работ по литературоведению. Фон Гюнтер известен также как один из лучших переводчиков русской классики. Он перевел на немецкий язык более 3000 произведений русской литературы, из которых более 1500 были опубликованы. Среди них сочинения А.С. Пушкина (в четырех томах), Н.С. Лескова (в шести томах), И.С. Тургенева (в трех томах), А.Н. Островского (в четырех томах), М.Ю. Лермонтова (в двух томах), Н.В. Гоголя (в пяти томах), А.А. Блока (в трех томах).

В 1904 г. он заканчивает русскую гимназию в Митаве. В том же году на художественной выставке в Риге ему случайно попадаете журнал «Весы». Под впечатлением от журнала он начинает переписку с его издателем Валерием Брюсовым, который знакомит его с произведениями таких поэтов-символистов, как Ф.К. Сологуб, А.А. Блок, К.Д. Бальмонт, А. Белый, Д.С. Мережковский, В.И. Иванов, З.Н. Гиппиус и др. Со многими из них фон Гюнтер вступает в переписку и даже переводит их произведения на немецкий.

В 1905 г. он уехал в Дрезден, а затем в Мюнхен. Тогда он и опубликовал свои первые стихотворения. Осенью 1905 г. фон Гюнтер вернулся в Митаву. А в марте 1906-го он отправляется в Санкт-Петербург.

Первым делом он наносит визит Александру Блоку. Блок, его мать и его жена Любовь Дмитриевна принимают молодого поэта-переводчика с особой теплотой. Гюнтер пишет об этом в воспоминаниях: «В тот мой приход мы жили стихами. Из “Стихов о Прекрасной Даме” я перевел уже почти две трети, и Блок, хорошо знавший немецкий, хотел слышать все переводы, которые я ему еще не успел послать. Мне было лестно читать в таком кругу...

<...> Поразительно, как они [Александр Александрович, Любовь Дмитриевна и Александра Андреевна Блок] говорили друг о друге:

не “мой муж” или “мой сын”, а “Блок”, “он”, в крайнем случае — “Саша”...

Через несколько дней я опять был у них. На этот раз меня приняли несколько официально. Александр Александрович предложил сесть и сказал, что у него есть для меня сюрприз. И прочел прекрасное посвященное мне стихотворение. В нем развивалась тема, о которой мы спорили и говорили [в] прошлый раз: облик Люцифера в земном воплощении падшего ангела. Я высказал подозрение, может быть слишком возбужденно, не считает ли Блок самого себя воплощением одного из ангелов в отряде военачальника Люцифера. Он ответил загадочно: с этим нельзя шутить, *наш* отряд еще очень мал.

<...> вся русская молодежь жила стихами Блока. Его первые стихи появились в 1903 году, — в 1908 году он был уже божеством новой России»².

Фон Гюнтер становится частым гостем в доме Блока и знакомится там с В.А. Пястом, С.М. Городецким и многими другими. За обеденным столом они обсуждали стихи, принципы символизма, концепцию «искусства для искусства».

Фон Гюнтер продолжает переводить «Стихи о Прекрасной Даме», посвящает два сонета жене Блока³, за что и получает от нее прозвище Herr Ritter — Господин рыцарь.

В Петербурге фон Гюнтеру удастся побывать на «Башне» у Вячеслава Иванова. Он знакомится с Андреем Белым, который посвящает Г. Гюнтеру стихотворение «Все забыл» (1906). С этим посвящением стихотворение появляется в книге Белого «Пепел» (СПб, 1909). Там есть такие строки:

Не словам; — молчанью, брат,
О внемли, внемли.

Мы — сияющий закат,
Взвеванный с земли.

Легких воздушов крутят
Легкие моря.

Днем и сумраком объят, —
Я, как ты, — заря.

Это я плесну волной
Ветра в голубом.

Говорю тебе одно,
Но смеюсь — в другом...

Март 1906. Москва

Был Гюнтер и на поэтическом вечере Ф. Сологуба, стихи которого начал переводить еще в Мюнхене. Вместо запланированных четырех недель Гюнтер остается в Петербурге на целых восемь.

В 1908 г. фон Гюнтер опять на несколько месяцев приезжает в Петербург. Он останавливается у Вячеслава Иванова и становится соседом Михаила Кузмина. В это время фон Гюнтер — частый гость «Башни», где ему представляется возможность познакомиться со многими деятелями российской культуры того времени. На одном из вечеров он встретил тогда еще никому не известного В. Хлебникова. Гюнтер вспоминал, как Хлебников «вытащил из кармана несколько смятых бумажек и тихо прочел, — он вообще говорил тихо и запинаясь. Это было так необычно, что мы переглянулись. Никакой символики, но и никаких социалистических откровений. Там были птицы, которым он дал свои особые имена, невероятные образы и главное — неудержимое словотворчество <...> Иванов, этот подлинный творец знаменитостей, немедленно втянул его в горячую дискуссию о законах стихосложения. Мы с трудом могли следить за смелыми хлебниковскими операциями со словами. От одного корня он умел образовать десяток новых прилагательных и десять новых глаголов, — мы были изумлены»⁴. Более 60 лет спустя фон Гюнтер вспоминает о Хлебникове и в публикуемой ныне переписке с Игорем Чинновым.

Осенью 1909 г. фон Гюнтер посещает Россию в третий раз, знакомится с Иннокентием Анненским. Он, по словам фон Гюнтера, стоял у истоков создания знаменитого журнала «Аполлон», так как именно Анненский в долгих спорах «убедил Маковского в необходимости журнала, который среди разброда различных течений утверждал бы постулаты вневременного и непреходящего искусства»⁵. Фон Гюнтер становится членом редакции созданного в 1909 г. журнала и работает в нем до 1914 г. критиком отдела западной литературы. Он вспоминает, что так называемая «молодая редакция» «Аполлона» (Николай Гумилев, Михаил Кузмин, Сергей Ауслендер, Алексей Толстой и др.), в ведении которой находился в основном отдел хроники журнала и куда вошел и он сам, на самом деле была своего рода кружком. «Мы часто действовали коллективно. Рукописи, в особенности стихи, зачастую читались коллективно и так же отклонялись. Критика тоже производилась коллективно»⁶. В письме к Чиннову от 15 ноября 1965 г. Гюнтер сожалеет,

что тот не входил в состав «молодой редакции» «Аполлона» — он бы хорошо «вписался» (п. 9). Впрочем, это было бы весьма проблематично — в 1909 г. Чиннов только родился.

С 1914 г. фон Гюнтер живет в Германии, занимается издательской, переводческой и литературной деятельностью. В конце 1960-х гг. он пишет на немецком языке книгу «Жизнь на восточном ветру»⁷, которая повествует, главным образом, о годах, проведенных им в Петербурге. В 1970 г., еще при жизни фон Гюнтера, в эмигрантском альманахе «Мосты» был напечатан, в переводе Т. Петровской, фрагмент этих воспоминаний, получивший название «Под восточным ветром», о чем фон Гюнтер упоминает в письме Чиннову от 22 января 1971 г. (Этот выпуск альманаха сохранился в архиве Чиннова.)

Несмотря на то что фон Гюнтер после 1914 г. не приезжал в Россию, он продолжал переводить на немецкий и публиковать русскоязычную литературу. Он издал огромное количество произведений русских поэтов и писателей от Пушкина до своих современников, способствуя распространению русской литературы в немецкоязычной среде.

Ил. 15. Иоганнес фон Гюнтер. 1966

Первые письма Иоганна фон Гюнтера Игорю Чиннову датированы 1960 г. В это время Чиннов жил в Мюнхене и работал редактором отдела новостей в русской редакции радио «Свобода». Очевидно, начало переписки было связано с личной встречей, которая состоялась благодаря содействию поэта Ю.П. Иваска, однако точные обстоятельства встречи неизвестны. Из письма от 13 сентября 1960 г. явствует, что на момент встречи фон Гюнтер был уже знаком с творчеством Чиннова: несколькими годами ранее он получил сборник его стихов от своего друга С.К. Маковского, бывшего редактора «Аполлона», а в эмиграции — редактора парижского издательства «Рифма».

Известно также, что по приглашению фон Гюнтера Чиннов был у него в Германии в декабре 1960 г. В публикуемых письмах Гюнтер неоднократно зовет поэта вновь приехать, но состоялась ли повторная их встреча, неясно.

Двух поэтов связывал интерес к истории и литературе России. Эта тема занимает центральное место в их переписке. Оба они живо интересовались творчеством своих современников и делились друг с другом собственными творческими замыслами. Признавая поэтическое дарование Чиннова, фон Гюнтер пишет о значимости его произведений. Как литературовед и опытный переводчик фон Гюнтер хочет, чтобы имя Игоря Чиннова появилось среди немецких переводов русской поэзии. Он неоднократно обещает переводить стихотворения Чиннова и включить их в свои работы по истории русской литературы. Интересны также его отзывы о творчестве Чиннова и анализ особого поэтического стиля русского поэта⁸. Их объединяла не только общность увлечений и стремлений, но и взаимная симпатия и дружба, которая, хотя и поддерживалась практически только в переписке, однако укреплялась интересом к творчеству друг друга. К тому же они были земляками. Митава, где фон Гюнтер родился, всего в сорока с небольшим километрах от родного города Чиннова — Риги.

У них было немало общих знакомых среди русской эмиграции в Европе — Чиннов прожил в Германии почти десять лет — и в Америке. В 1962 г. Чиннов уехал из Мюнхена в США, где стал преподавать русскую литературу. В письмах фон Гюнтера появляется обращение «профессор». Сначала Чиннов преподавал в Канзасском университете, затем в Питтсбургском. Туда адресовано письмо фон Гюнтера от 30 мая 1969 г. А письмо от 22 января 1971 г. направлено уже в Нашвилл, в Вандербилтский университет. В этом университете Чиннов получил звание заслуженного профессора и в 1977 г. вышел в отставку.

Переписка, по крайней мере, со стороны фон Гюнтера (ответных писем Чиннова в архиве не обнаружено) прекратилась в 1971 г., примерно за два года до смерти фон Гюнтера, вскоре после его 85-летнего

юбилея. В последнем послании, от 26 августа 1971 г., он пишет, что в связи с юбилеем «Ирина Владимировна Одоевцева уделила мне особое внимание» (п. 19). По-видимому, он имеет в виду ее большую статью «К 85-летию Иоганна фон Гюнтера» в «Русской мысли» (1971. № 2847. 17 июня 1971. С. 8), где она, поздравляя юбиляра, рассказывает о своем знакомстве с ним, произошедшем четырьмя годами ранее. Одоевцева почти на десять лет младше фон Гюнтера, она тоже родом из Прибалтики (рижанка), вдова Георгия Иванова, чьи стихи фон Гюнтер переводил. Переводил он и ее стихи.

В статье Одоевцева пишет: «Солнечное летнее утро 67-го года.

Я смотрю в окно вагона на прелестные баварские виды, почти не замечая их.

Я еду к Иоганну фон Гюнтеру.

Вчера меня по телефону от его имени пригласила, судя по ее молодому голосу, его секретарша. На целый день. Я не вполне уверена, что поступила правильно, приняв это приглашение. Я боюсь, что он принесет мне разочарование и огорчение. Мне, наверное, будет тяжело и больно смотреть на то, что жизнь сделала с этим блестящим участником конца Серебряного века. Из рассказов Гумилева о нем я знала, что он отличается редкой способностью превращать всех своих знакомых в друзей. С ним дружили все, без исключения, даже враждовавшие между собой, поэты. Его любили Блок, Гумилев, Ахматова, Андрей Белый, Кузмин и так далее. Я знала, что он был умен и остроумен, красив, строен — и, конечно, — как тогда полагалось — изысканный эстет.

Но что осталось от этого теперь в отношении физическом и в умственном смысле?

Ведь ему восемьдесят один год. <...>

Я выхожу из вагона. Перед вокзалом — толпа встречающих. Я стараюсь отыскать в ней обещавшую меня встретить секретаршу Гюнтера. Но как ее найти, раз я понятия не имею, какая она? Здесь так много встречающих. Среди них, как гора или башня, возвышаясь над ними, стоит какой-то необычайный человек. До того необычайный, что я забываю о секретарше. Он совсем не похож на окружающих его. Огромный в вышину и ширину, с гордой осанкой “и лица необщим выражением”. Скорее всего, он похож на жителя Материка Ма (континента Му. — Е. Б.) или города гигантов Тиагуанако в Андах.

Вид его так поражает меня, что я не могу отвести от него взгляда. Он тоже смотрит на меня и вдруг, улыбнувшись, громко и звучно произносит:

— Ирина Одоевцева! Как я рад! — и протягивает мне руку.

От изумления у меня перехватывает дыхание. А он продолжает, указывая на стройную, молодую женщину рядом с ним:

— Моя жена Жасмин! Она не понимает по-русски, но знает, что для меня говорить по-русски большое, но, к сожалению, редкое удовольствие. Идемте. Мы живем тут в двух шагах.

Действительно, — в двух шагах. Мы уже входим в дом и поднимаемся по деревянной лестнице.

— Мы занимаем первый и второй этаж, — объясняет Гюнтер. — Трудно найти подходящее помещение для всех моих книг.

Неужели этот обитатель материка Ма живет в этом совсем обыкновенном доме, с этой узкой лестницей? <...>

Время как будто поворачивает назад в Петербург, к первым годам 20 века.

Он простыми, обыкновенными словами, непонятным, магическим образом восстанавливает далекое прошлое, воскрешает всех тех, о ком он говорит.

И вот, мне уже кажется, что в его кабинете, кроме него, его жены, его кота и меня, еще и Блок, и Гумилев, и Андрей Белый, и Ахматова, и Мандельштам. Все они тут. Все они разговаривают со мной. <...> Я еще три раза могла навестить Иоганна фон Гюнтера»⁹. Завершается статья рассказом Одоевцевой о том, как она и студенты — участники Русского кружка в Женеве, где она читала лекцию о Гумилеве, отправили фон Гюнтеру коллективное поздравление с 85-летием.

В этом же номере «Русской мысли» напечатано сообщение о творческом вечере Игоря Чиннова, прошедшем в Париже в связи с выходом его четвертой книги стихов «Партитура», которую фон Гюнтер незадолго до этого получил от Чиннова (см. п. 18). Чиннов в это время уже известный в эмиграции поэт, о его творчестве появилось немало статей и рецензий. О стихах еще из первой его книги, «Монолог» (1950), не кто-нибудь, а сам Сергей Маковский написал, что они очень «изысканны» и почти в каждом из них слышится «музыка сфер»¹⁰. Это была первая рецензия на стихи Чиннова, к тому же напечатанная в первом номере элитарного журнала «Опыты». Так что Чиннов был сразу замечен в высших литературных кругах русского Парижа. Поэтому на его творческом вечере присутствовали «почти все парижские поэты и писатели»¹¹. Председательствовал Борис Зайцев. Игорь Чиннов читал стихи из «Партитуры». В этой книге он все больше отходит от поэтики сдержанной «парижской ноты», которая была характерна для его первых двух книг, и пытается модернизировать поэтический язык. Что не одобряли многие русские парижане. Поэтому важно, что на вечере Георгий Адамович, идеолог «парижской ноты», «как всегда, глубоко и убедительно говорил о поэзии Игоря Чиннова, отдав должное ему как прекрасному поэту, и коснулся также и его новаторских стихов и современных новейших поэтических течений». Поддержал Чиннова и Вла-

димир Вейдле, сказав на вечере о высоком качестве его стихов: «Стихов такого уровня всегда было мало, не удивительно, что И. Чиннов стоит особняком в современной поэзии». Выступала там и Ирина Одоевцева, которая прочла фрагмент из своей рецензии на эту книгу, «напомнив, как Георгий Иванов, в свое время, открыл в Игоре Чиннове замечательного молодого поэта»¹². О книге «Партитура» лестные слова пишет Чиннову в своем предпоследнем послании и фон Гюнтер.

Вообще, в его письмах мы находим множество известных имен русских писателей, узнаем о новых встречах и о контактах автора писем, в частности, из обсуждения его 80-летнего юбилея, и о теряющихся связях с русским Парижем.

Из писем становится известно и о событиях в личной жизни Чиннова — например, о получении им профессорского звания в Канзасском университете или о покупке дома в Америке, о его путешествии в Мексику и т. п.

Переписка — это всегда ценный документальный материал, достоверная информация о жизни авторов писем, об их творческих планах. А в данном случае письма фон Гюнтера — это еще и философские размышления одного из выдающихся людей своей эпохи о литературе и о русском языке, о ремесле поэта и переводчика, о прошлой и современной ему России и о представителях литературных кругов того времени. Читатель может получить представление о вкладе этого поэта и известного переводчика в мировую культуру, о масштабе его личности.

Большой интерес вызывают воспоминания фон Гюнтера о его прошлом в России. Об этом он пишет с ностальгией и теплотой. В своих посланиях он с любовью говорит о «моей прежней стране» (п. 4) и сетует на ее судьбу при советском режиме.

Часто письма фон Гюнтера наполнены пессимизмом и безнадежностью, что объясняется его преклонным возрастом и болезнями. Переписка началась, когда ему было уже за семьдесят. Но вместе с тем письма отражают и его неутомимое трудолюбие, рассказывают о новых планах и идеях и его непрекращающейся работе.

Особое обаяние письмам придает их дружеская интонация, теплые слова: «дражайший юный друг», — пишет фон Гюнтер Чиннову, который моложе его на 23 года. Язык писем то сложен и витиеват, то безыскусно прост, что придает каждому посланию неповторимую гюнтеровскую индивидуальность.

Предлагаемые вниманию читателя письма фон Гюнтера к Чиннову хранятся в ОР ИМЛИ РАН, в Кабинете архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова (Ф. 614. Оп. 3.2. Ед. хр. 26). Они представляют собой машинопись с внесенной от руки подписью «Johannes v<on> Guenther» — «Иоганнес ф<он> Гюнтер») и — изредка — при-

писанными в конце или на полях словами (особый случай — послание от 18 марта 1964 г.: рукописные пометы на нем принадлежат Чиннову и Иваску). Несмотря на то что фон Гюнтер прекрасно владел русским, корреспонденцию с Чинновым он вел на немецком. Письма публикуются впервые, на языке оригинала (с сохранением авторской орфографии и пунктуации) с переводом на русский.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 2. С. 75.

² Гюнтер И. фон. Под восточным ветром / Пер. с нем. Т. Петровская // Мосты. Мюнхен, 1970. № 15. С. 330–331.

³ В частности, «Но острова, не ведая о том, молчали» («Die Inseln aber wissen nichts und schweigen»). См.: *Guenther J. von. Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München. München: Erinnerungen, 1969. S. 113.*

⁴ Гюнтер И. фон. Под восточным ветром. С. 335–336.

⁵ Там же. С. 338.

⁶ Там же. С. 343.

⁷ См.: *Guenther J. von. Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München.*

⁸ См.: *Guenther J. von. Die Literatur Russlands. Stuttgart: Union Verlag, 1964. S. 221–222.*

⁹ Одоевцева И. К 85-летию Иоганна фон Гюнтера // Русская мысль. 1971. 17 июня. С. 8.

¹⁰ Маковский С. Поэзия Игоря Чиннова // Опыты. 1953. Кн. 1. С. 144.

¹¹ Сергеенко П. Вечер Игоря Чиннова // Русская мысль. 1971. 17 июня. С. 9.

¹² Одоевцева И. Игорь Чиннов: «Партитура» // Новое русское слово. 1971. 7 апреля.

1

(13b) Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 805
Den 13.9.<19>60

Lieber Herr Cinnovs [sic!],

Schön, dass ich Ihre Adresse habe und gut, dass wir telefonieren konnten. Ich wiederhole noch einmal, dass es mir vor ein paar Tagen ein besonderes Vergnügen bereitete, feststellen zu können, dass ich Ihre Gedichte, die mir Sergej Konstantinowitsch Makowskij vor Jahren zugesandt hatte, schon längst gut kannte und sie sehr hoch einschätzte. Ich hatte nur den Dichter dieses Pariser Bändchens nicht mit dem Herrn, mit dem ich durch Professor Ivask bekannt wurde, identifizieren können. Das ist jetzt herrlich geschehen.

Machen Sie doch den Plan wahr, einmal bei uns anzurufen und zu uns herauszukommen. Und wollen wir unsere junge Verbindung pflegen und nicht abreißen lassen.

Mit den schönsten Grüßen
stets ihr

Johannes v. Guenther

В конце письма приписано чернилами:
как Ваше отчество?

Herrn Igor Činnovs [sic!]
München 13
Hiltenspergerstr. 43/IV

(13b) Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 805
13.9. < 19 > 60

Дорогой господин Чинновс,
я очень рад, что у меня есть Ваш адрес и что мы смогли поговорить по телефону. Я хотел бы еще раз повторить, что был несказанно счастлив, когда несколько дней назад узнал, что давно познакомился с Вашими стихотворениями, посланными мне несколько лет назад Сергеем Константиновичем Маковским¹, и уже тогда высоко их оценил. Я никак не мог предположить, что человек, с которым меня познакомил профессор Иваск², и есть автор этого парижского томика³. Как все удачно сложилось.

Осуществите же скорее свое намерение, позвоните нам как-нибудь и приезжайте в гости. Давайте поддержим нашу зародившуюся дружбу и не дадим ей угаснуть.

С наилучшими пожеланиями,
всегда Ваш

Иоганнес ф. Гюнтер

В конце письма от руки по-русски:
как Ваше отчество?

Господину Игорю Чинновсу
München 13
Hiltenspergerstr. 43/IV

¹ Маковский Сергей Константинович (1877–1962) — поэт, художественный критик, редактор литературно-художественного журнала «Аполлон», искусствовед, издатель, мемуарист. В эмиграции возглавлял редакционную коллегию парижского издательства «Рифма», специализировавшегося на публикации сборников русских поэтов-эмигрантов. Чиннов помогал ему готовить сборники к выпуску.

² Иваск Юрий Павлович (1907–1986) — поэт, литературовед, эссеист, критик. С 1946 по 1949 г. изучал славистику в Гамбургском университете. С 1949 г. жил в Америке. В 1960 г. был профессором русской литературы в Канзасском университете. Выпустил в 1953 г. антологию эмигрантской поэзии «На Западе». Имел обширный круг знакомств и вел переписку с очень многими литераторами. С Чинновым они начали переписываться еще в середине 1930-х гг., когда оба жили в Прибалтике.

³ Имеется в виду первая книга стихов Игоря Чиннова «Монолог» (Париж: Рифма, 1950).

2

(13b) Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 805
Den 25.4. <19>61

Mein lieber Herr von Tschinnows [sic!],

Ich danke Ihnen sehr für die Zusendung Ihres 2. Gedichtbuches «Linien» und auch für die freundliche Widmung in diesem Buch.

Ich hab noch nicht geschrieben, weil die ganze Welt seit Monaten anders aussieht. Am Tage nach Ihrem Dezemberbesuch bei uns wurde ich schwer krank und kam Anfang Januar nach Tutzing ins Krankenhaus, wo ich im Februar operiert wurde. Es war eine sehr schwere und gefährliche Operation und es ist ein Wunder, dass ich bei meinem Alter sie überstanden habe. Ich bin schon seit einiger Zeit wieder zu Hause, da alles gut verlaufen ist, und ich pflege mich mit Hilfe meiner lieben und unschätzbaren Frau langsam wieder gesund. Freilich läuft es nicht ganz so, wie ich[] gewünscht hätte, denn einige kleine Nebenerscheinungen ärgerlicher Art sind noch nicht überwunden.

So kommt es, dass nicht nur alle Arbeit liegen geblieben ist, sondern auch alle Briefe, und Sendungen.

Ihr Buch, lieber Herr von Tschinnow, habe ich gestern zum zweitenmal gelesen und mich ausserordentlich darüber gefreut. Gefreut ist eigentlich nicht der richtige Eindruck, denn dieses etwas verschattete Buch wunderbarer Verse ist eigentlich keine Freude, es ist ein Genuss, der zwischen Bewunderung und Trauer liegt. Denn es ist ein dunkles Buch, sehr stark durchtränkt von einem fast unauflöslichen Pessimismus. Wie kommt das?

Die Meisterschaft Ihrer Verse ist klar. Es gibt Gedichte darunter, die bestimmt[] nicht ohne weiteres vergehen werden; der zeitliche Raum Ihrer Verse reicht weit in die Zukunft hinein. In den beigelegten Kritiken las ich, dass man

Sie zur sogenannten «Pariser Schule» rechnet, aber das scheint mir doch nur zum Teil zu stimmen, denn ich finde Ihre Gedichte wirklich sehr besonders, und ich sehe nicht recht, von wem dieses Buch beeinflusst sein könnte.

Ich werde es bestimmt demnächst zum drittenmal lesen und mir dann Notizen machen, denn ich sehe schon klar, dass ich einiges davon werde übersetzen müssen. Hoffentlich gelingt es mir. Auf jeden Fall freue ich mich darauf.

Lassen Sie doch wieder von sich hören, meine Frau und ich werden sehr erfreut sein, unser Dezembergespräch weiterzuführen.

Mit den schönsten Grüßen

stets Ihr

Johannes v. Guenther

Herrn Igor von Tschinnow

München 13

Hiltenspergerstr. 43/IV

(13b) Seeshaupt. Pettenkoferallee 56

Telefon Seeshaupt 805

25.4. <19> 61

Мой дорогой господин фон Чинновс,
благодарю Вас за то, что отправили мне второй том Ваших стихов «Линии»¹ с дружеской дарственной надписью.

Я Вам не писал все это время, потому что за последние месяцы мир сильно изменился. На следующий день после Вашего декабрьского визита я серьезно заболел и в начале января попал в больницу в Тутцинге², где мне в феврале сделали операцию. Операция была очень тяжелая и опасная, я лишь чудом пережил ее в моем-то возрасте. Я снова дома, так как все прошло хорошо, и благодаря моей милой и бесценной жене я постепенно выздоравливаю. К сожалению, все не так, как хотелось бы, остались хотя и небольшие, но неприятные побочные явления, которые нужно еще пережить.

Из-за этого я забросил не только всю работу, но и оставил без ответа все письма и посылки.

Вчера я прочитал Вашу книгу во второй раз, дорогой господин фон Чиннов, и я был чрезвычайно этому рад. Но радость не совсем подходящее слово, потому что эта слегка мрачная книга с прекрасными стихами не радость, она наслаждение, граничащее с восторгом и печалью. Это темная книга, глубоко пропитанная почти неискоренимым пессимизмом. Откуда этот пессимизм?

Мастерство Ваших стихов бесспорно. У Вас есть стихи, которые не канут в Лету; Ваши стихотворения родом из будущего. В приложенных

рецензиях я прочитал, что Вас относят к так называемой «французской школе»³, но, по-моему, это не совсем правильно, я считаю Ваши стихотворения по-настоящему особенными и не чувствую чужеродного влияния в Вашем творчестве.

Я обязательно прочту Вашу книгу в третий раз и сделаю пометки, поскольку понял, что кое-что из нее нужно будет обязательно перевести. Надеюсь, мне это удастся. Во всяком случае, я испытываю радость предвкушения.

Пишите нам, мы с женой будем очень рады продолжить наш с Вами декабрьский разговор.

С наилучшими пожеланиями,
всегда Ваш,

Иоганнес ф. Гюнтер

Господину Игорю фон Чиннову
München 13
Hiltenspergerstr. 43/IV

¹ Имеется в виду вторая книга стихов Чиннова «Линии» (Париж: Рифма, 1960).

² Баварский городок на берегу Штарнбергерзее, к северу от Зеесхаупта, где в то время жил фон Гюнтер.

³ Речь идет о «парижской ноте», течении в поэзии русского зарубежья, возникшем в конце 1920-х гг. По словам Юрия Иваска, это была не школа в обычном смысле, а, скорее, лирическая атмосфера (см.: *Иваск Ю.* О послевоенной эмигрантской поэзии // *Новый журнал.* 1950. № 23. С. 202–203). Идеологом «парижской ноты» был Г.В. Адамович, к ней принадлежали А.С. Штейгер и Л.Д. Червинская, однако реальное ее воздействие было гораздо шире: следы влияния «ноты» можно найти у многих других поэтов эмиграции (В.А. Смоленский, Ю.К. Терапиано, Д. Кнут, Ю.В. Мандельштам, Ю.П. Иваск, И.В. Чиннов и проч.). Поэзию «ноты» отличает выразительный аскетизм, как в выборе тем, так и в словаре, размере и даже синтаксисе. Богатству образности поэты «ноты» предпочитали намеренную бедность выразительных средств, отсутствие орнаментальности, изысканную простоту форм, скудость словаря. Стоит добавить, что отмеченный фон Гюнтером пессимизм стихов Чиннова также относится к характерным чертам данного литературного направления, в стихах «ноты» часто звучат темы безжалостности мира, бесприютности, безнадежности и обреченности на поражение.

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
Den 17.1.<19>64

Mein teurer Igor Wladimirowitsch,

Schönen Dank für Ihren lieben Brief vom 3. Januar, der mich aufrichtig gefreut hat, denn es ist wirklich schon lange her, dass wir von Ihnen gehört haben. Dr. Stammler schrieb uns, dass Sie in Kansas gelandet seien, so wussten wir wenigstens, wo Sie steckten.

Professor Stammler wird sicher meine kleine russische Literaturgeschichte, die ich im Februar dieses Jahres erst erscheint, in einem für mich privat hergestellten Interimsexemplar schon erhalten haben, oder er wird sie in den nächsten Tagen erhalten. Sie werden von ihm hören, dass ich Sie als Dichter darin erwähnt habe. Ich bin ein grosser Verehrer ihrer Verse und bin sehr gespannt, wohin Ihre Entwicklung Sie noch führen wird.

Ich danke Ihnen für Ihren ausführlichen Brief und ich freue mich, dass Ihre Erfolge beweisen, wie gross Ihre Möglichkeiten sind. Dass Sie über die Symbolistenkreise in Petersburg schreiben wollen, ist bestimmt sehr gut und natürlich können Sie mich dabei nennen, denn ich war ja ein Freund vieler führender Symbolisten, die mir schöne Gedichte gewidmet haben. Alexander Block und Wetscheslaw Iwanow und Michail Kusmin gehörten zu meinen nächsten Freunden, aber ich war auch mit Annenskij sehr gut und mit allen aus dem Apollon, zu dessen «junger Redaktion» ich gehörte.

Mit Gumiljow, Kusmin, Ausländer, Gorodezkij und vielen anderen duzte ich mich. Den berühmten Artikel von Kusmin «über die schöne Klarheit», mit dem der Kampf gegen den Symbolismus begann, habe ich mit veranlasst. Ich spielte in St. Petersburg eine nicht grade kleine Rolle, ich war bereits 1906 zum erstenmal dort und habe dann von 1909 bis 1913 viel in Petersburg gelebt. Ich habe auch mit den grossen Malern und Theatermännern Freundschaft gehalten, vor allem mit Meyerhold, mit Vera Komissarschewskaja war ich sehr befreundet, aber auch mit Bakst und Somow stand ich gut. Ich habe also eine gewisse Rolle im Werden des Symbolismus und im Entstehen des Akmeismus gespielt.

Leider sehe ich die neue Produktion der Emigranten nur sehr selten. Man hat mich vergessen, was bestimmt falsch ist, denn ich werde ja immer noch weiter russische Lyrik, so weit sie schön ist, übersetzen. Ende dieses Jahres soll eine grosse Anthologie von mir in Stuttgart herauskommen, die von Lomonossow bis Tschinnow die ganze russische Lyrik enthalten wird. Der einzige der bairischen Emigranten, mit dem ich in dauerndem Verkehr stehe, ist der wunderbare Klenowski, durch ihn weiss ich, wie es in der Emigrantenliteratur aussieht. Der Tod meines lieben alten Freundes Makowskij hat mich

den Pariser Emigranten recht entfernt, freilich ist seine Sekretärin, Madame Scherman, immer noch ein Bindeglied.

Ich freue mich, zu hören, dass Sie in absehbarer Zeit Ferien machen werden und dann zweifellos auch nach Deutschland kommen werden. Meine Frau und ich werden uns sehr freuen, wenn wir[] Sie dann zu Gesicht bekommen werden, um über alles plaudern zu dürfen.

Mit den schönsten Grüßen
stets Ihr

Johannes v. Guenther

Herrn Igor Chinnov [sic!]
The University of Kansas
Department of Slavic Languages and Literatures
Lawrence, Kansas

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
17.1. <19>64

Мой дорогой Игорь Владимирович,
большое спасибо за Ваше любезное письмо от 3 января, искренне меня обрадовавшее, потому что мы действительно уже давно ничего о Вас не слышали. Доктор Штаммлер¹ писал нам, что Вы оказались в Канзасе², так мы, по крайней мере, узнали, где Вы в данный момент и находитесь.

Профессор Штаммлер, наверно, уже давно получил или в ближайшее время получит мою краткую историю русской литературы³, пробный экземпляр которой был напечатан лично для меня и которая выйдет лишь в феврале этого года. Вы от него узнаете, что я упомянул Вас там как поэта⁴. Я большой поклонник Ваших стихов и с интересом наблюдаю за развитием Вашего творческого пути.

Благодарю Вас за подробное письмо, я очень рад, что Ваши успехи подтверждают Ваши большие возможности. Я считаю, что написать книгу о петербургском кружке символистов — хорошая идея⁵, и, конечно, Вы можете упомянуть там мое имя, ведь я дружил со многими ведущими символистами, которые посвятили мне много красивых стихов⁶. Александр Блок, Вячеслав Иванов и Михаил Кузмин были моими близкими друзьями, я поддерживал хорошие отношения также и с Анненским, и со всеми из «Аполлона»⁷, где я был членом «молодой редакции».

Я был на «ты» с Гумилевым⁸, Кузминым, Ауслендером⁹, Городецким¹⁰ и со многими другими. Между прочим, это я побудил Кузмина написать его знаменитую статью «О прекрасной ясности»¹¹, с которой началась борьба с символизмом. В Петербурге я играл немалую роль, впервые

я побывал там в 1906 г. и часто впоследствии приезжал туда в 1909–1913 гг. Я состоял в дружеских отношениях и с великими художниками, и с театральными деятелями, особенно тесно я дружил с Мейерхольдом¹² и Верой Комиссаржевской¹³, впрочем, с Бакстом¹⁴ и Сомовым¹⁵ у меня тоже были хорошие отношения. Таким образом, я сыграл определенную роль в становлении символизма и зарождении акмеизма.

К сожалению, новые произведения эмигрантов я вижу редко. Меня забыли, и это неправильно, ведь я и далее продолжу переводить красивую русскую поэзию. В конце этого года в Штутгарте должна выйти моя большая антология¹⁶, которая будет включать в себя всю русскую лирику от Ломоносова до Чиннова. Единственный из баварских эмигрантов, с которым я активно общаюсь, это великолепный Кленовский¹⁷, от него я узнаю, что происходит в эмигрантской литературе. Смерть моего дорогого старого друга Маковского¹⁸ сильно отдалила меня от парижских эмигрантов, правда, его секретарь, мадам Шерман, все еще остается связующим звеном между нами.

Я очень рад слышать, что у Вас скоро каникулы, и Вы непременно приедете в Германию. Мы с супругой будем очень рады увидеть Вас снова и обо всем побеседовать.

С наилучшими пожеланиями,
всегда Ваш,

Иоганнес ф. Гюнтер

Господину Игорю Чиннову
The University of Kansas
Department of Slavic Languages and Literatures
Lawrence, Kansas

¹ Штаммлер Генрих А. (в рус. традиции также Андрей Владимирович; 1912–2006) — профессор Канзасского университета, с 1962 г. глава кафедры славянских языков и литературы, сослуживец Чиннова.

² В 1962 г. Чиннов переехал в США, получив место профессора русского языка и литературы в Канзасском университете вместо Юрия Иваска, который перешел в Вашингтонский университет.

³ Речь идет об издании: *Guenther J. von. Die Literatur Russlands*. Stuttgart: Union Verlag, 1964.

⁴ Вероятно, имеется в виду следующий пассаж из книги фон Гюнтера: «Man darf nicht glauben, dass nur in Paris das lyrische Genie der Russen zu blühen vermochte. Es gibt in Amerika zwei außerordentlich begabter Lyriker, Frau Lydia Alexejewna Alexejewa, die Gedichte von unerhörten Charm geschrieben hat, und dem Dichter Igor Wladimirowitsch Tschinnow, dessen Verse originell sind und eine so eigener Struktur zeigen, dass man wirklich glauben möchte, dass hier ein neuer und bedeutender Dichter in der Emigration erstanden ist» («Не стоит считать, что только в Париже мог расцвести лирический гений русских. В Америке живут

два необычайно талантливых поэта. Лидия Алексеевна Алексеева, которая написала стихи неслыханного очарования, а также поэт Игорь Владимирович Чиннов, у которого оригинальные стихи с очень своеобразной структурой, так что хочется и вправду верить, что здесь в эмиграции появился новый и значимый поэт». — *Guenther J. von. Die Literatur Russlands. S. 221–222).*

⁵ Книга о петербургском кружке символистов так и не была написана Чинновым.

⁶ Кроме А.А. Блока («Ты был осыпан звездным цветом...») и А. Белого («Все забыл»), фон Гюнтеру посвятил, к примеру, одно из своих произведений Михаил Алексеевич Кузмин (1872–1936) — «Гансу ф. Гюнтеру» адресована его лирическая поэма «Всадник» (1908) из сборника «Осенние озера»; в последней ее строфе содержатся следующие строки:

Покой найдя, встал рыцарь успокоен,
Любовь найдя, поднялся он влюблен,
Свой меч храня, явился чистым воин,
Кольцо храня, любви он обручен.

Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) написал для фон Гюнтера цикл стихотворений на немецком «*Gastgeschenke*» (нем. «Подарки гостю»), который вошел впоследствии в «*Cor Ardens*» (опубл. 1911–1912). По воспоминаниям фон Гюнтера, Иннокентий Федорович Анненский (1855–1909), которому понравилась его пьеса «*Mag*» («*Der Magier*», 1-я ред. — 1908, окончат. ред. — 1914), тоже посвятил ему «лестное стихотворение», но, как утверждает фон Гюнтер, оно сохранилось у него только в его переводе на немецкий. В своих мемуарах он упоминает и о других посвященных ему стихах (*Guenther J. von. Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München. München: Erinnerungen, 1969. S. 265).*

⁷ «Аполлон» — художественно-литературный журнал, выходивший в Петербурге с октября 1909 по 1917 г. «Вступление» к первому номеру определяет цели журнала как «чисто эстетические», посвященные искусству как «самоцельному достоянию нашему» (Аполлон. 1909. № 1. Октябрь. С. 4).

⁸ Гумилев Николай Степанович (1886–1921) — поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик, один из основателей акмеизма. Гумилев участвовал в организации журнала «Аполлон», где стал одним из самых деятельных сотрудников — он вел, в частности, раздел «Письма о русской поэзии». Вместе с Михаилом Кузминым, Сергеем Ауслендером, Алексеем Толстым и др. Гумилев входил в так называемую «молодую редакцию» журнала.

⁹ Ауслендер Сергей Абрамович (1886–1937) — прозаик, драматург, литературный и театральный критик, племянник М.А. Кузмина. С 1909 г. сотрудничал в журнале «Аполлон».

¹⁰ Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) — поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик, один из основателей и теоретиков акмеизма: в 1911 г. вместе с Николаем Гумилевым он организовал объединение «Цех поэтов». Частый гость в «Башне» Вячеслава Иванова.

¹¹ См.: Кузмин М. О прекрасной ясности. Заметки о прозе // Аполлон. 1910. № 4. Январь. С. 5–10 (1-я pag.).

¹² Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) — режиссер, актер, теоретик театра. Активно сотрудничал с символистами, ставил их пьесы.

¹³ Комиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910) — выдающаяся актриса своего времени, сыгравшая огромное количество ролей.

¹⁴ Бакст Леон (наст. имя Розенберг Лев Самойлович; 1866–1924) — живописец, график, театральный художник, член объединения «Мир искусства», академик Петербургской Академии художеств (1914 г.).

¹⁵ Сомов Константин Андреевич (1869–1939) — живописец и график, действительный член Петербургской Академии художеств. Один из основателей журнала «Мир искусства». Профессор Петроградских государственных свободных художественных учебных мастерских (1918 г.). С 1923 г. жил за границей.

¹⁶ *Guenther J. von. Russische Erzähler von 1800 bis zur Gegenwart: Eine Anthologie. Stuttgart: Reclam, 1967.*

¹⁷ Кленовский Дмитрий Иосифович (наст. фам. Крачковский; 1893–1976) — поэт «второй волны» эмиграции, «последний акмеист», автор 11 книг стихов. В эмиграции жил в баварском городе Траунштейн.

¹⁸ С.К. Маковский умер 13 мая 1962 г.

4

В левом верхнем углу рукой Чиннова сделана надпись чернилами, адресованная Ю.П. Иваску:
верни!

Seeshaupt/Ob<er>b<ayern>
Den 18.3.<19>64

Mein teuerster Herrn Cinnov [*sic!*],

Sehr schönen Dank für Ihre lieben Zeilen vom 4. Februar, die ich erst heute beantworte, da ich geradezu schrecklich in Anspruch genommen bin.

Ich danke Ihnen für Ihre herzlichen Worte; inzwischen werden Sie ja meine kleine Literaturgeschichte angesehen haben und aus ihr ersehen haben, mit welcher Liebe ich immer noch an meinem alten Russland hänge. Es ist wahr, ich bin ein Petersburger und fühle keine Sympathie für die neue leicht barbarische alte Hauptstadt Moskau. Für mein Empfinden ist St. Petersburg immer noch die einzige repräsentative Metropole dieses Reiches, — und sie wird es wohl auch wieder werden, davon bin ich überzeugt. Ich fürchte nur, dass ich das nicht mehr selber erleben werde.

Meine Freunde verwöhnen mich mit Liebenswürdigkeiten über meine kleine Literaturgeschichte; ich habe sie mit Liebe geschrieben, aber es war eine grausame Arbeit.

Wir erwarten Professor Stammler im Frühjahr in Baiern. Er wird uns gewiss viel von Ihnen erzählen und auch darauf freuen wir uns.

Lassen Sie wieder von sich hören.

Professor Stammler ist ein grosser Freund von Ihnen, er hat uns schon geschrieben, wie sehr er Ihre Vorlesungen schätzt.

Bleiben Sie eigentlich jetzt ganz in den USA?

Oder kommen Sie doch noch in absehbarer Zeit wieder nach Europa und nach Deutschland. Ich würde mich freuen, mit Ihnen noch einmal vor dem grossen Abmarsch plaudern zu dürfen.

Noch eines: ich habe von Professor Ivask garnichts[]mehr gehört. Wie geht es ihm? Sie waren doch mit ihm befreundet, also werden Sie gewiss wissen, wie es bei ihm aussieht. Kommt er nicht auch nach Europa? Grüssen Sie ihn schön von mir.

Mit allen schönen Grüssen und Wünschen auch von meiner Frau

Ihr

Johannes v. Guenther

В конце письма рукой Ю.П. Иваска приписано чернилами:

Im April habe ich Herrn v<on> G<uenther> geschrieben! G<eorge>
I<vask>

Baiern is[t] besser als Bayern!

Herrn Prof. Igor Cinnov

The University of Kansas

Department of Slavic Languages and Literatures

Lawrence, Kansas

Seeshaupt/Ob<er>b<ayern>

18.3.<19>64

Мой драгоценнейший господин Чиннов,
огромное спасибо за Ваши любезные строки от 4 февраля, на которые я отвечаю лишь сегодня из-за своей занятости.

Благодарю Вас за добрые слова: за это время Вы наверняка уже пролистали мою краткую историю литературы¹ и заметили, какая любовь и какой пыл связывают меня до сих пор с моей прежней страной. Это правда, что я петербуржец и что я не испытываю никакой симпатии к этой новой варварской столице Москве. По-моему, Санкт-Петербург все еще остается единственной признанной метрополией во всем государстве; он непременно вновь будет столицей, я в этом уверен. Только боюсь, что я этого уже не увижу.

Мои друзья хвалят меня за мою краткую историю литературы — я писал ее с любовью, но это был огромный труд.

Мы ожидаем весной приезда профессора Штаммлера в Баварию. Я уверен, он будет много о Вас говорить, чему мы очень рады.

Пришлите снова весточку о себе.

Профессор Штаммлер Ваш большой поклонник, он уже писал нам, как высоко ценит Ваши лекции.

Вы действительно навсегда останетесь в США?

Или Вы все-таки в ближайшем будущем вернетесь в Европу и в Германию? Я был бы рад еще раз поболтать с Вами перед своей кончиной.

Кстати, я уже давно ничего не слышал о профессоре Иваске. Как у него дела? Вы ведь с ним дружили и наверняка знаете, что у него происходит. Если Вы его увидите, передайте ему привет от меня.

С наилучшими пожеланиями от меня и моей супруги,

Ваш

Иоганнес ф. Гюнтер

В конце письма рукой Ю.П. Иваска приписано по-немецки:

В апреле я написал господину ф<он> Г<юнтеру>! Дж<ордж>
[т. е. Юрий] И<васк>

«Baiern» выглядит лучше, чем «Bayern»!*

Господину проф<ессору> Игорю Чиннову
The University of Kansas
Department of Slavic Languages and Literatures
Lawrence, Kansas

¹ Вероятно, имеется в виду книга фон Гюнтера «Литература России» («Die Literatur Russlands», 1964).

5

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
Den 12.11.<19>64

Mein lieber und teurer Herr Tschinnow,

Sie haben uns Ende August eine schöne Karte aus Chapultepec geschickt, die in der Tat einen Blick in ein Zauberland öffnet. Haben Sie vielen Dank dafür, es war reizend von Ihnen, an uns zu denken. Wir hatten in der Zwi-

* Бавария (нем.).

schenzeit den Besuch von Professor Stammler, der Ihnen gewiss manches von uns wird berichten können. Er wird Ihnen gewiss auch erzählt haben, mit welcher Neigung ich von Ihren Gedichten und Ihrer Arbeit gesprochen habe.

Es tut mir leid, dass Sie jetzt so weit von uns sind und dass ich Sie vielleicht nicht mehr wiedersehen werde.

Ich war sehr krank. Ich habe vier Wochen fest im Bett liegen müssen und stehe jetzt nur vorsichtig stundenweis auf; die Krankheit kann noch viele Wochen dauern, vorausgesetzt, dass ich überhaupt noch gesund werde, denn diese Sache hat mich sehr geschwächt und furchtbar mitgenommen. Vergessen Sie nicht, dass ich ein alter Herr bin und dass ich wenig Widerstand zu leisten vermag.

Trotzdem würde ich gerne hoffen, Sie, lieber Freund, wiederzusehen und mit Ihnen plaudern zu dürfen.

Alles Gute für Ihr liebes Gedenken. Die schönsten Grüße von meiner Frau und mir[.] Ihr

Johannes v. Guenther

Herrn Igor v. Tschinnow
University of Kansas
Lawrence/Kansas

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
12.11.<19>64

Мой дорогой господин Чиннов,
в конце августа Вы нам прислали красивую открытку из Чапультепека¹, на которой и вправду представлен вид сказочной страны. Спасибо Вам огромное за это. Как здорово, что Вы о нас помните. К нам недавно приезжал профессор Штамmlер, которому, несомненно, будет что рассказать Вам о нас. Несомненно, он Вам поведал, с какой симпатией я говорил о Ваших стихах и о Вашей работе.

Мне очень жаль, что Вы так далеко от нас и что я, наверное, Вас больше не увижу.

Я был очень болен. Четыре недели я пролежал в кровати, а теперь встаю с осторожностью и ненадолго: болезнь продлится еще долгие недели, если я вообще выздоровею, ведь болезнь меня сильно ослабила и страшно измучила. Не забывайте, что я старый человек и мне трудно противостоять недугу.

Однако я надеюсь снова увидеть Вас, дорогой друг, и побеседовать с Вами.

Спасибо Вам за добрую память. Сердечный привет от моей жены и от меня. Ваш

Иоганнес ф. Гюнтер

Господину Игорю ф<он> Чиннову
University of Kansas
Lawrence/Kansas

¹ Городской парк вокруг одноименного холма на западе Мехико (Мексика), на вершине которого находится бывшая резиденция правителей Мексики.

6

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
Den 10.3.<19>65

Mein lieber und verehrter Herr Tschinnow,

Verzeihen Sie, dass ich erst heute auf Ihren liebenswürdigen Brief vom 23. November antworte, sowie auf Ihre schöne Karte mit den guten Weihnachts- und Neujahrswünschen. Es geht mir nicht gut, ich kann meine Gesundheit nicht wieder erlangen, obwohl ich keine richtige Krankheit zu beklagen habe. Irgendwas stimmt nicht, aber das ist ja eigentlich auch in der Ordnung, denn ich bin sehr alt, ich werde in diesem Mai 79 und sie wissen, man wird nicht lebendiger und beweglicher, wenn man alt wird.

Es freut mich, dass Sie einen so guten Eindruck von dem viel zu kurzen Besuch bei uns behalten haben; wir erinnern uns auch noch mit grosser Genugtuung daran, Sie bei uns gesehen zu haben, und ich freue mich immer wieder, dass ich Ihre schönen Gedichte besitze. Ich habe zwar noch nichts übersetzt, obwohl ich mich häufig mit der Absicht, dies zu tun, drangemacht habe, man muss immer erst den eigenen Ton des Dichters, den man nachdichten will, finden, ehe man es wagen darf, deutsch nachzusagen, was russisch natürlich viel aufregender klingt.

Auf jeden Fall habe ich für meine grosse Anthologie, die von Derschawin bis heute geht, und die an die vierhundert Seiten stark werden wird, vorge-merkt, dass Sie auf jeden Fall in dieser Anthologie vertreten sein müssen.

Trotzdem ich nicht ganz auf der Höhe bin, arbeite ich immerzu etwas und hoffe, dass ich auch die Arbeiten, die ich noch unbedingt durchführen muss, werde durchführen können.

Wie geht es Ihnen, mein Teuerster. Muss man Sie etwa gar schon mit dem Titel «Gospodin Professor» anreden? In Amerika muss man ja glaube

ich Professor sein, Amerika braucht Professoren.

Ich freue mich immer noch über Ihre spontane mexikanische Karte die uns grossen Spass gemacht hat. Vor allem aber würde ich mich darüber freuen, von Ihnen zu hören, dass Sie bald wieder nach Europa kommen, denn es würde für uns ein besonderes Vergnügen sein, Sie wiederzusehen. Lassen Sie es sich gut gehen und bleiben Sie gesund, und vergnügt.

Mit den besten Grüßen auch von meiner Frau
stets Ihr

Johannes v. Guenther

Herrn Igor Chinnov [sic!]
1605 Tennessee Street
Lawrence, Kansas

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
10.3. <19>65

Дорогой и уважаемый господин Чиннов,
извините, что я только сегодня отвечаю на Ваше дорогое моему сердцу письмо от 23 ноября, а также на Вашу красивую открытку с теплыми поздравлениями с Рождеством и Новым годом. Я чувствую себя неважно, никак не могу восстановить свое здоровье, хотя никаких заболеваний у меня не обнаруживают. Что-то не так, но, собственно, это в порядке вещей, ведь я очень стар, в мае этого года мне исполнится семьдесят девять, и Вы понимаете, что с годами не становятся энергичнее и подвижнее.

Я очень рад тому, что у Вас сложилось хорошее впечатление о слишком коротком пребывании у нас. С большим удовольствием вспоминаем мы о Вашем приезде, и я счастлив, что у меня есть Ваши стихи. Правда, я пока еще ничего не перевел, хотя уже много раз собирался этим заняться. Ведь сначала нужно настроиться на волну поэта, которого хочешь перевести, прежде чем повторить на немецком то, что на русском звучит гораздо интереснее.

В любом случае в мою большую антологию¹ объемом в четыреста страниц, охватывающую период от Державина до настоящего времени, Ваши работы будут включены.

Несмотря на то что я сейчас не в лучшей форме, я продолжаю работать и, надеюсь, успею закончить то, что для себя наметил.

Как Вы поживаете, мой дражайший? К Вам теперь нужно обращаться «господин профессор»? Мне кажется, в Америке надо быть профессором. Америке всегда нужны профессора.

Я до сих пор рад Вашей неожиданной открытке из Мексики, кото-

рая доставила нам огромное удовольствие. Но бóльшую радость мне бы доставила новость о том, что Вы скоро приедете в Европу, мы были бы очень счастливы снова увидеть Вас. Пусть у Вас все будет хорошо, будьте здоровы и счастливы.

С наилучшими пожеланиями от меня и моей жены,
всегда Ваш

Иоганнес ф. Гюнтер

Господину Игорю Чиннову
1605 Tennessee Street
Lawrence, Kansas

¹ Вероятно, имеется в виду издание: *Guenther J. von. Russische Erzähler von 1800 bis zur Gegenwart: Eine Anthologie.* Stuttgart: Reclam, 1967. Работы Чиннова туда не вошли.

7

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
Den 23.4.<19>65

Mein teuerster Herr Tschinnow,

Haben Sie sehr schönen Dank für Ihre Osterwünsche, die meine Frau und ich mit rechter Beschämung verspätet erwidern. Wir freuen uns sehr, dass wir immer wieder von Ihnen hören und wir würden[]uns noch mehr freuen, wenn endlich die Gelegenheit da wäre, Sie persönlich begrüßen zu dürfen.

Immer wieder begegne ich mit grosser Genugtung wenigen Gedichten von Ihnen, in den «Mosty», die mir wie immer sehr gefallen. Sie sind wirklich ein echter Dichter, lieber Herr Tschinnow, und Sie können mir glauben, dass ich weiss, was das bedeutet. Ich bin mein ganzes Leben hindurch immer wieder so etwas wie ein King-maker gewesen; ich bin sicher, dass Ihr Name, mein Freund, im Register der Literaturgeschichte bleiben wird.

Grüssen Sie Professor Stammler sehr herzlich von uns und richten Sie ihm bitte aus, dass der alte Mann in Seeshaupt sich freuen würde, auch von ihm zu hören.

Und vergessen Sie selber uns nicht.

Mit den schönsten Grüßen auch von meiner Frau
stets Ihr

Johannes v. Guenther

Herrn Prof. Igor von Cinnov [sic!]
1605 Tennessee Street
Lawrence, Kansas

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
23.4. <19>65

Драгоценнейший господин Чиннов,
большое спасибо за Ваши поздравления с Пасхой, на которые мне и моей жене очень неловко отвечать с опозданием. Мы очень рады регулярно получать от Вас известия и были бы счастливы, если бы, наконец, представилась возможность поприветствовать Вас лично.

Снова и снова с удовольствием замечая в «Мостах» Ваши стихотворения¹, которые, как всегда, мне очень нравятся. Дорогой господин Чиннов, Вы в самом деле настоящий поэт, поверьте мне, я знаю, что это значит. Всю свою жизнь мне приходится быть кем-то вроде серого кардинала. Я уверен, что Ваше имя, друг мой, сохранится в справочниках по истории литературы.

Передавайте профессору Штаммлеру огромный привет от нас и скажите, что старик из Зеесхаупта² был бы рад вестям и от него.

Вы тоже не забывайте нас.

С наилучшими пожеланиями от меня и моей жены,
всегда Ваш

Иоганнес ф. Гюнтер

Господину проф<ессору> Игорю фон Чиннову
1605 Tennessee Street
Lawrence, Kansas

¹ Литературно-художественный и общественно-политический альманах «Мосты» выходил с 1958 по 1970 г., первоначально в Мюнхене, в издательстве Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), после 1968 г. — в США. В № 11 (С. 11–15) за 1965 г. в «Мостах» были напечатаны стихотворения Чиннова «Так проплывают золотые рыбки...», «Я тоже не верю в бессмертие...», «Ты уже забываешь...», «Отпуск», «Лагерьнику». Последнее стихотворение Чиннов позже не включил ни в один из своих сборников, признав неудачным. Остальные вошли в книгу стихов «Метафоры» (Нью-Йорк, 1968).

² Городок в Верхней Баварии, к юго-западу от Мюнхена, на берегу Штарнбергерзее.

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
Den 29.7. <19>65

Mein Teuerster[]Herr Tschinnov,

Sie haben mir mit Ihrem charmanten Brief vom 20. Juli eine grosse Freude gemacht, denn auf diesem Wege hörte ich endlich einmal ausführlich von Ihnen. Ein ausführlicher Brief ist immer ein besonderer Freundschaftsbeweis und freilich mehr wert als die schönsten Ansichtskarten, obwohl auch diese, eben weil sie Erinnerungen sind, einen freuen.

Ich habe in der Zwischenzeit natürlich auch von unserem gemeinsamen Freund Stammler von Ihnen gehört, so dass ohne dies die Bindung zwischen uns nie aufhört.

Sie wissen, ich schätze Ihre Arbeiten ganz aussergewöhnlich hoch und ich werde mich besonders darum kümmern, Ihren Intentionen gerecht zu werden. Ich danke Ihnen sehr herzlich dafür, dass Sie meine Arbeit durch Angabe der Gedichte, an denen Ihnen besonders liegt, unterstützt haben. Ich bin allerdings noch nicht dazu gekommen, Ihre Gedichte zu übersetzen, denn Sie und Klenowsky habe ich mir gewissermassen als schöne Bonbons für den Schluss meiner Arbeit aufgehoben.

Im Augenblick kämpfe ich noch mit den schwierigen frühen Bolschewiken, vor allem mit Chlebnikow, denn auch dieser genialische viel zu früh verstorbene Dichter muss repräsentativ vorgestellt werden. Ich habe ihn übrigens schon 1908 in Petersburg bei meinem Freunde Wjatscheslaw Iwanow kennen gelernt; man versucht jetzt in Sowjetrussland mich heranzuziehen, weil man eine neue Chlebnikow Ausgabe vorbereitet. Einiges habe ich dazu bereits geschrieben.

Mein teuerster Herr Tschinnov, Sie haben nicht ganz recht, wenn Sie das Musikische in einer lyrischen Dichtung für unübertragbar halten. Grade diese Aufgabe beschäftigt mich immerzu, denn auch für mich ist Puschkin das alpha und omega der russischen Dichtung. Und wie sollte man Puschkin, zumal in seinen Liebesgedichten, anders als musikalisch übersetzen? Ich gebe zu, es ist ein halsbrecherisches Kunststück, die Musik des anderen Dichters so wiederzugeben, dass sie auch nur halbwegs erkennbar wird, aber ich glaube, es ist mir manch einmal gelungen, ohne dass ich damit den Versuch machen will, zu prahlen. Im Januar wird meine neue grosse Puschkin Ausgabe in München erscheinen; sie enthält über hundert Gedichte von Puschkin und ich glaube, Sie werden beim Lesen dieser Übertragungen mir zugeben, dass ich wenigstens den Versuch gemacht habe, dem Dichter gerecht zu werden.

Denken Sie nur an die Übertragungen Stefan Georges. Seine Übertragung Baudelaires, der ja auch fast unübersetzbar ist, ist doch ein deutlicher Beweis dafür, dass auch heute noch magische Vorgänge möglich sind. Wir

müssten uns darüber einmal mündlich unterhalten. Lassen Sie mich hoffen, dass ich Sie, noch bevor ich abmarschieren muss, einmal hier werde sehen dürfen.

Sobald ich an Ihre Gedichte gehe und Resultate vorliegen, werde ich es Sie wissen lassen.

Mit allen guten Wünschen und sehr vielen herzlichen Gedanken, sowie mit den besten Grüßen von meiner Frau und mir
stets Ihr

Johannes v. Guenther

На левом поле приписано чернилами:

Wenn Sie mir einige neue Gedichte schicken wollen: пожалуйста! большое спасибо!!

Herrn Professor Eaghör Chinnov [sic!]
University of Colorado
Department of Slavic and Eastern L.
Boulder, Colorado 80304

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
29.7.<19>65

Дражайший господин Чиннов,
меня очень порадовало Ваше чудесное письмо от 20 июля, поскольку я наконец-то смог побольше узнать о Вас. Подробное письмо — всегда показатель дружбы, и, конечно, намного дороже самых красивых открыток, хотя и они дарят приятные воспоминания.

Мне, конечно, рассказывал о Ваших делах наш общий друг Штамлер, так что и без переписки наша с Вами связь никогда не прервется.

Вы знаете, что я очень высоко ценю Ваши работы и непременно позабочусь о том, чтобы учесть Ваши пожелания. Я от всего сердца благодарю Вас за то, что Вы поддержали мою работу, указав те стихи, которые Вам особенно нравятся¹. Правда, мне пока не довелось перевести Ваши стихи, так как Вас и Кленовского я решил оставить на десерт, под конец моей работы.

До сих пор я сражаюсь с трудными ранними большевиками, в особенности с Хлебниковым², ведь и этот гениальный рано умерший поэт должен быть достойно представлен. Кстати, я познакомился с ним еще в 1908 г. в Петербурге, у своего друга Вячеслава Иванова. И сейчас меня пытаются затащить в советскую Россию, потому что готовится новое издание Хлебникова. Кое-что об этом я уже писал.

Мой дражайший господин Чиннов, Вы не совсем правы, если считаете, что музыкальность лирической поэзии невозможно передать. Именно над этим я беспрестанно работаю, ведь Пушкин для меня альфа и омега русской поэзии. И как же переводить Пушкина, особенно его любовную лирику, если не музыкально? Я признаюсь, что передать мелодику другого поэта так, чтобы он был хотя бы наполовину узнаваем, это настоящая головоломка; но, говоря без ложной скромности, мне кажется, что порой мне это удавалось сделать. В январе выйдет мой большой перевод Пушкина в Мюнхене³; это издание содержит более ста его стихотворений, и я верю, что Вы при чтении этого перевода заметите мое старание соответствовать оригиналу.

Вспомните переводы Стефана Георге⁴. Его перевод почти непереводаемого Бодлера⁵ служит явным доказательством того, что и сегодня такие волшебные перевоплощения еще возможны. Когда-нибудь мы поговорим об этом. Позвольте мне надеяться на то, что я Вас все-таки увижу до моей кончины.

Я сообщу Вам, как только дойду до Ваших стихов и у меня будет результат.

С добрыми мыслями и наилучшими пожеланиями от меня и моей жены,

всегда Ваш

Иоганнес ф. Гюнтер

На левом поле приписано на смеси немецкого и русского:

Если Вы захотите прислать мне новые стихотворения: пожалуйста! большое спасибо!!

Господину профессору Игорю Чиннову

University of Colorado

Department of Slavic and Eastern L.

Boulder, Colorado 80304

¹ По-видимому, речь идет о несохранившемся письме Чиннова. В его личном архиве оно отсутствует, хотя порой он оставлял у себя ксерокопии своих писем писателям.

² Хлебников Велимир (наст. имя Виктор Владимирович; 1885–1922) — поэт, прозаик, драматург. Один из основателей русского футуризма. В своих мемуарах «Жизнь на восточном ветру. Между Петербургом и Мюнхеном» («Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München»), которые фон Гюнтер опубликовал спустя четыре года, он писал: «Самым необыкновенным из встреченных мной людей был Хлебников. Виктор Владимирович Хлебников позднее изменил свое имя на Велимир — вели миру! <...> не оста-

валось сомнений, что это человек еще небывалый и что ему предстоит нелегкий путь. Было похоже, что он грезит о литературной будущности, умен и начитан, но и не уверен в себе, застенчив, как девушка, при этом приветлив и хорошо воспитан» (*Гюнтер И. фон. Жизнь на восточном ветру. Между Петербургом и Мюнхеном* / Пер. Юрия Архипова. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 67). Вообще, в этой книге о Хлебникове он говорит не единожды. Причисляя Хлебникова к большевикам, фон Гюнтер, вероятно, имеет в виду, что тот оказался в числе писателей, поддерживавших революцию 1917 г. и большевиков, пусть и не по идейным соображениям, а, скорее, в надежде, что новый государственный строй приведет к возникновению нового человечества, о котором поэт мечтал. После революции Хлебников работал в органах пропаганды и просвещения.

³ В 1966 г. в Мюнхене, в издательстве «Biederstein», вышло однотомное собрание сочинений А.С. Пушкина в переводе фон Гюнтера.

⁴ Георг Стефан (1868–1933) — немецкий поэт-символист, переводчик.

⁵ Речь идет о принадлежащем Стефану Георге немецком переводе сборника Шарля Бодлера (1821–1867) «Цветы зла» («Les Fleurs du Mal», 1857), опубликованном в 1901 г. берлинским издательством «Georg Bondi».

9

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
Den 15.11.<19>65

Mein lieber Professor Tschinnow,

Sie haben mich mit Ihrem schönen Brief vom 7. November sehr glücklich gemacht, ich danke Ihnen dafür, ich freue mich immer, von Ihnen zu hören, und besonders, wenn Sie einmal die Mühe nicht scheuen, ausführlich zu schreiben. Ich danke Ihnen dafür, dass Sie mir eine so schöne Reihe schöner Gedichte geschickt haben, die mir natürlich sehr grosses Vergnügen bereitet haben. Ich war allerdings etwas überrascht, in diesen Gedichten keineswegs die Schwierigkeiten zu finden, auf[]die Sie mich in Ihrem Brief aufmerksam machen wollten. Denn diese Gedichte, die Sie beilegte, sind keineswegs so, dass Sie unüberwindliche Schwierigkeiten machen würden. Unüberwindliche Schwierigkeiten gibt es fast nie, wenn man die nötige Zeit hat und mit der nötigen Intensität vorgeht. Ich will Ihnen ein Beispiel sagen: Sie kennen das wunderbarste Liebesgedicht der Welt, die Verse, die Puschkin an Anna Kern geschrieben hat; ein prosodisch sehr schwieriges Gedicht, sehr ineinander geschachtelt und ausserordentlich kompliziert. Ich habe das Gedicht seit 1920 mehrfach in völlig voneinander abweichenden Versionen drucken lassen. Ich bereite doch jetzt meine grosse neue Anthologie vor und musste auch bei meinem Puschkin, der im Februar erscheint, endgültige Texte schaffen. Nun, um es kurz zu machen, ich habe dieses Gedicht bisher achtzehnmal übersetzt; in meinem Puschkin und in meiner Anthologie wird

die sechzehnte Version stehen. Ob sie allerdings die endgültige Version ist, kann ich nicht mit Gewissheit sagen, obwohl ich es annehmen möchte.

Keine meiner Versübertragungen wird so, wie sie zuerst entsteht, gedruckt. Meist ist es die vierte oder fünfte, manchmal die siebente oder achte Gestaltung, bei Ihnen ist es mir noch nicht klar, was ich für die Anthologie auswählen werde, denn ich bin grade dabei, das Manuskript endgültig zu gestalten, eine Arbeit, deren Ausmasse ich Ihnen garnicht schildern kann. Ich[]gehe dabei chronologisch vor. Ich werde heute, um nur dies zu sagen, Balmont machen. Diese schwere Enttäuschung kostet mich riesige Mühe, denn in den Jahren 1904 bis 1907 war Balmont einer meiner Lieblingsdichter. Ich habe damals rund 120 Gedichte von ihm übersetzt. Nachbleiben wird davon, wenn ich ihn jetzt vornehme, verdammt wenig. Ich werde froh sein, wenn ich zwanzig Gedichte bestehen lassen kann. Und davon werden — schon aus literarhistorischen Gründen — höchstens fünf in meine Anthologie aufgenommen. Ich erzähle Ihnen das nur, um Ihnen zu zeigen, wie schwi[e]rig die Arbeit ist. Unser Freund Tschinnow wird nicht vor dem Januar drankommen. Ich werde Ihnen dann, wenn es so weit ist, Durchschläge meiner Übersetzungen schicken. Hoffentlich brechen Sie dann nicht den Verkehr mit mir ab.

Es drängt sich jetzt alles zusammen: ich werde im nächsten Mai 80, aus diesen Anlass sollen allerlei Dinge ausser der Anthologie erscheinen, zum Beispiel meine Lebenserinnerungen, an die ich jetzt herangehen werde. Man verspricht sich wunder was von meinen Erinnerungen an Petersburg und an die grossen russischen Dichter. Schade, dass dass Sie nicht damals zu der «jungen Redaktion» meines Apollon gehörten. Sie hätten gut dazu gepasst!!

Mein teuerster Herr Tschinnow, alles Gute und die innigsten Wünsche von meiner Frau und mir. Und hoffentlich sehen wir Sie wirklich bald[] wieder. Stets Ihr

Johannes v. Guenther

Herrn Igor Tschinnow
The University of Kansas
Department of Slavic Languages
Lawrence, /Kansas, 66045

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
15.11.<19>65

Дорогой мой профессор Чиннов,
Вы меня очень обрадовали своим замечательным письмом от 7 ноября, за это я Вам благодарен. Я всегда рад известиям от Вас, особенно когда Вы не жалеете сил написать подробно. Благодарю Вас

за подборку тех прекрасных стихов, которые Вы мне прислали, и которые мне, естественно, доставили массу удовольствия. Но я весьма удивился тому, что вовсе не заметил в них тех проблем, о которых Вы говорите в письме. Присланные Вами стихи не из разряда вызывающих непреодолимые трудности. Если есть время и желание работать, то непреодолимых трудностей нет. Я приведу Вам пример: Вы знаете, что самое прекрасное любовное стихотворение в мире, те строки, которые Пушкин написал Анне Керн¹, просодически очень трудное, хитросплетенное и необычайно сложное произведение. Это стихотворение я неоднократно в разных вариантах отдавал в печать с 1920 г. Но сейчас я готовлю свою большую новую антологию и определился с окончательной версией моего перевода Пушкина, которая выйдет в феврале². Так вот, буду краток: этот стих я переводил восемнадцать раз, а в моем Пушкине и в моей антологии будет напечатана шестнадцатая версия. Но будет ли она последней, этого я не могу сказать однозначно, хотя хотелось бы на это рассчитывать.

Ни одна переведенная мной строка не печатается в том виде, как она первоначально была задумана. В основном, это четвертый или пятый вариант, иногда даже седьмой или восьмой. Что касается Вас, я еще не знаю, что выберу для своей антологии, потому что сейчас я заканчиваю оформление рукописи — работа, масштаб которой невозможно описать. При том что я двигаюсь в хронологическом порядке. Хочу только упомянуть, что сегодня я займусь Бальмонтом³. Это тяжелое разочарование стоит мне огромных усилий, потому что Бальмонт был одним из моих любимых поэтов с 1904 по 1907 год. Тогда я перевел примерно 120 его стихотворений. После того как я завершу над ним работу, от этих стихов останется чертовски мало. Я буду рад, если мне удастся сохранить хотя бы двадцать стихотворений. И лишь пять из них войдут в мою антологию. Я Вам рассказываю все это только ради того, чтобы показать, насколько эта работа трудна. Нашим другом Чинновым раньше января я заняться не смогу. Когда все будет готово, я Вам вышлю копию перевода. Надеюсь, что после этого Вы не прервете со мной переписку.

Сейчас столько всего накопилось: в следующем мае мне исполнится восемьдесят лет, в честь этого выйдет в свет много публикаций, например, мои мемуары⁴, за которые я сейчас возьмусь. Люди ожидают чуда от моих воспоминаний о Петербурге и о великих русских поэтах. Жаль, что Вы не были тогда членом «молодой редакции» моего «Аполлона»⁵. Вы бы превосходно вписались в коллектив!!

Мой дорогой господин Чиннов, мы с женой желаем Вам всего хорошего. И надеюсь, что мы Вас скоро увидим.

Вечно Ваш

Иоганнес ф. Гюнтер

Господину Игорю Чиннову
The University of Kansas
Department of Slavic Languages
Lawrence, /Kansas, 66045

¹ Имеется в виду стихотворение Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...», 1825), посвященное Анне Петровне Керн (урожд. Полторацкая; 1800–1879), жене генерала Е.Ф. Керна.

² См. примеч. 3 к п. 8.

³ Период наибольшей популярности стихов К.Д. Бальмонта (1867–1942) приходится на первое десятилетие 20-го столетия, вплоть до начала Первой мировой войны. Некоторые из его книг, в которых нашли отражение события революции 1905–1907 гг., были, однако, под запретом: «Стихотворения» (1906) были изъяты полицией, а «Песни мстителя» (1907) вышли в Париже, в России же были запрещены к распространению. В 1920 г. Бальмонт навсегда покинул Россию.

⁴ Книгу своих мемуаров о годах, проведенных в России, фон Гюнтер выпустил в 1969 г., она получила название «Жизнь на восточном ветру. Между Петербургом и Мюнхеном» («Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München»).

⁵ С 1909 по 1914 г. фон Гюнтер был членом редакции журнала «Аполлон».

10

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
Den 8.4. <19>66

Mein lieber und teuerster Freund,

Sehr herzlichen Dank für Ihre liebeswürdigen Zeilen vom 31. März. Es ist schmeichelhaft [J]für mich, dass Sie sich mit solcher Freundschaft an mein 80. Jubiläum erinnern. Es ist der 26. Mai, 1886, an dem ich geboren wurde. Somit werde ich an diesem 26. Mai 80.

Zunächst habe ich zweitausendfünfhundert Seiten Korrekturen lesen müssen und ich muss jeden Tag Freunde mit vielen Daten meines Lebens bekannt machen, auch der Rundfunk und das Fernsehen kümmern sich um mich, es ist viel zu viel. Ich muss den Freunden soviel Dankbarkeit widmen, dass ich bald garnicht mehr Zeit finde, meine Erinnerungen weiter zu schreiben. Denn einem meiner Verleger ist es gelungen, mich davon zu überzeugen, dass meine Erinnerungen einen gewissen Sinn besitzen. Und somit schreibe ich daran. Wenn Gott gnädig ist, werde ich in diesem Jahr damit

fertig werden, dann werden sie im nächsten Jahr erscheinen. Auf meine Petersburger Zeit freue ich mich, um ein Bekenntnis abzulegen, wie nah mir meine russischen Freunde standen.

Selbstverständlich kann ich nichts dagegen haben, wenn Sie Herrn Terapiano, von dem ich einige Bücher besitze, von meinem Jubiläum benachrichtigen. Herrn Adamowitsch kenne ich leider nicht, aber ich habe in meiner «Neuen russischen Lyrik» ein schönes Gedicht von ihm veröffentlicht. (In meiner Übertragung). Ich schätze ihn. Leider kenne ich von den Pariser Emigranten niemand persönlich: Von einigen habe ich schöne Gedichte übersetzt, vor allem von dem verstorbenen Georgij Iwanow und Frau Odojewzewa. Seit dem Tod von meinem Freunde Sergej Makowskij habe ich leider keinen Kontakt mehr mit Paris, denn auch seine Sekretärin, Frau Olga Scherman, ist verschwunden. Ich würde mich aufrichtig freuen, wieder einmal [aus Paris etwas zu hören.

Ich habe durch die vielen laufenden Arbeiten meine grosse Hauptarbeit an dem Codex russischer Lyrik nicht weiterführen können; das werde ich wahrscheinlich erst nach meinem Geburtstag wieder aufnehmen können. Aber dann will ich endlich neben der Arbeit an meinen Erinnerungen die Arbeit an meiner Anthologie «Der Genius Russlands» zu Ende führen.

Und wann kommen Sie nach Europa? Es wäre wunderbar, Sie, lieber junger Freund, wiederzusehen.

Lassen Sie mich hoffen, dass mir der Himmel so lange Zeit schenken wird.

Mit allen guten Grüßen auch von meiner Frau

stets Ihr

Johannes v. Guenther

Herrn Igor Chinnov [sic!]

The University of Kansas

Department of Slavic Languages and Literatures

Lawrence, Kansas 66045

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56

Telefon Seeshaupt 605

8.4. <19>66

Дорогой мой и любимый друг,
от всего сердца благодарю Вас за Ваши любезные строки от 31 марта. Мне очень лестно, что Вы помните о моем 80-летнем юбилее. Дата моего рождения 26 мая 1886 г. Следовательно в этом году 26 мая мне исполнится восемьдесят.

Мне пришлось прочитать 2500 страниц корректуры, и каждый день я вынужден знакомить друзей со многими фактами моей жизни, радио

и телевидение тоже занялись мной — для меня это чересчур. Я должен отблагодарить столько друзей, что у меня скоро совершенно не будет времени продолжать работу над моими мемуарами¹. Одному из моих издателей удалось убедить меня в том, что мои воспоминания имеют определенную ценность. Вот я и пишу. Даст Бог — в этом году я их закончу, и тогда в следующем году они будут опубликованы². Я буду рад описать мои петербургские годы, чтобы вспомнить, насколько близки были мне мои русские друзья.

Разумеется, я не против, если Вы известите о моем юбилее господина Терапиано, несколько книг которого есть в моей библиотеке³. С господином Адамовичем я, к сожалению, незнаком, но в моей «Новой русской лирике» я опубликовал одно из его стихотворений. (В моем переводе.) Я его ценю. К несчастью, из парижских эмигрантов я лично никого не знаю: я перевел прекрасные стихи некоторых из них, преимущественно покойного Георгия Иванова и госпожи Одоевцевой⁴. После смерти моего друга Сергея Маковского у меня, к сожалению, оборвалась связь с Парижем, к тому же его секретарь, госпожа Ольга Шерман, куда-то пропала. Я искренне был бы рад снова получить вести из Парижа.

Из-за объема текущей работы я не смог продолжить работу над моим главным проектом — сводом русской лирики — и, наверное, мне снова удастся ее возобновить только после моего дня рождения. Я хотел бы помимо работы над мемуарами закончить, наконец, работу над моей антологией «Гений России»⁵.

Когда же Вы приедете в Европу? Было бы так чудесно снова увидеться с Вами, мой дорогой юный друг.

Позвольте мне надеяться, что Небеса подарят мне еще немного времени.

Со всеми наилучшими пожеланиями также и от моей жены,

вечно Ваш

Иоганнес ф. Гюнтер

Господину Игорю Чиннову

The University of Kansas

Department of Slavic Languages and Literatures

Lawrence, Kansas 66045

¹ Имеется в виду «Жизнь на восточном ветру».

² Вопреки ожиданиям, книга вышла в свет лишь в 1969 г.

³ Терапиано Юрий Константинович (1892–1980) — поэт, прозаик, переводчик и литературный критик, с начала 1920-х жил в эмиграции, сначала в Константинополе, а с 1922 г. — в Париже. В библиотеке фон Гюнтера находились следующие его книги: *Терапиано Ю.* Паруса. Вашингтон: Русская книга, 1965; *Его же.* Странствие земное. Париж: Рифма, 1951; *Его же.* Встречи. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

⁴ Стихотворение «Ни с кем не говори...» поэта-эмигранта Георгия Викторовича Адамовича (1892–1972), жившего с 1923 г. в Париже, было в переводе на немецкий язык включено фон Гюнтером в его книгу, см.: *Guenther J. von. Neue russische Lyrik. Frankfurt am Main: Fischer Bücherei KG, 1960. S. 144.* В указанное издание вошло также в немецком переводе стихотворение Георгия Владимировича Иванова (1894–1958) «Страсть? А если нет и страсти?...» (с. 143) и стихи его жены, поэтессы Ирины Владимировны Одоевцевой (наст. имя Ираида Густавовна Гейнике; 1895–1990), «Сияет дорога райская...», «К луне протягивая руки...», «Далеко за арктическим кругом...» (с. 146–147). Чета поэтов с 1923 г. жила в эмиграции во Франции. С Георгием Ивановым фон Гюнтер был знаком. Он писал, что из учеников Николая Гумилева в «Цехе поэтов» «...наибольшее впечатление на меня произвел Георгий Иванов. Всегда тщательно одетый, с профилем, будто перенесенным с геммы какого-нибудь римского императора, Иванов был самым воплощенным и оформленным отрицанием любой "ollapotrida", мешанины стилей и ломки форм» (*Гюнтер И. фон. Жизнь на восточном ветру. Между Петербургом и Мюнхеном. С. 190*).

⁵ Упомянутая книга нами не найдена.

11

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
Den 1.7.<19>66

Mein lieber und teurer Freund,

Erlauben Sie mir, Ihnen gerührt für Ihr Telegramm und für[]Ihre Zeilen, für Ihre Grüsse und Wünsche zu meinem 80. Geburtstag von Herzen zu danken. Wir haben es wirklich sehr bedauert, dass wir Sie nicht hier haben konnten, denn wir hätten uns aufrichtig gefreut, Ihnen begegnen zu dürfen. Es ist schön, dass Ihre Gedanken an diesem Tage bei mir waren.

Sie können mir glauben, mein Teuerster, dass es ein[e] ziemlich bewegte Zeit war; schon Wochen vorher begann es und es hat erst im Juni geendet. Fast bis in die letzte Zeit hinein kamen und kommen immer noch Gratulationen und Briefe; eine Überflut an Telegrammen und Gaben hat mich in den Wochen überschwemmt. Ich bin ganz gerührt und beschämt über soviel Liebe und Freundlichkeit aus aller Welt.

Elf meiner Verleger haben anlässlich eines Empfanges, der mir in den Räumen meines befreundeten Verlages gegeben wurde, eine Festschrift herausgebracht, die ich Ihnen mit gleicher Post zugehen lasse. Vielleicht macht Ihnen der schöne Aufsatz von Juri Semjonow über mich etwas Spass.

Meine Erinnerungen gehen langsam weiter. Ich habe ein Stück davon [über] meine erste Reise nach Petersburg im Jahre 1906 in Mainz an der Universität vorgelesen: nicht nur die Slawisten, nein, vor allem die Jugend nahm geradezu enthusiastisch teil. Ich sehe schon, dass ich meine Erin-

nerungen an meine russische Zeit zum mindesten werde zu Ende führen müssen, denn das scheint Eindruck zu machen. Und schliesslich bin ich ja auch im Westen der letzte. Im Osten gab es noch Anna Andrejewna Achmatowa, und es gibt zur Zeit noch Sergej Mitrofanowitsch Gorodetskij, doch die eine kam erst spät in unsere Kreise; und der andere ist leider von den Kommunisten zunächst sehr gefördert worden. Somit werden meine Erinnerungen wohl einen gewissen Wert behalten. Ich habe mich lange gesträubt, sie zu schreiben, lange Jahre, aber einem meiner Verleger ist es dann doch gelungen, mich dazu herumzubekommen. Aber wie gesagt, es geht langsam. Ich glaube, dass ich nicht vor Anfang des nächsten Jahres etwas fertig gestellt haben werde.

Noch einmal tausend Dank, lieber Freund; wenn man so alt wird, freut man sich wenn man solche Freunde hat.

Meine Frau lässt Sie schön grüssen; erlauben Sie mir, Sie im Geiste zu umarmen.

Mit allen guten Wünschen
stets Ihr

Johannes v. Guenther

Herrn Professor Igor Cinnov [sic!]
The University of Kansas
Department of Slavic Languages and Literatures
Lawrence, Kansas 66045

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
1.7. < 19 > 66

Дорогой мой и любимый друг,
я очень тронут Вашей телеграммой и от всего сердца хотел бы поблагодарить Вас за теплые слова и за Ваши пожелания к моему 80-летию. Мы очень сожалеем о том, что Вы к нам не приехали, мы были бы искренне рады снова с Вами встретиться. Чудесно, что Вы думали обо мне все эти дни.

Мой дорогой, можете мне поверить, это было очень насыщенное время; началось оно неделями ранее, а закончилось только в июне. Письма и поздравления приходили и приходят до сих пор; в те недели меня захлестнула волна телеграмм и подарков. Я очень тронут и смущен таким количеством любви и доброты со всего мира.

По случаю приема, данного в мою честь в помещениях хорошо знакомого мне издательства, одиннадцать моих издателей выпустили юбилейный сборник¹, который я Вам отправляю с этим письмом. Возможно, сочинение Юрия Семенова² обо мне доставит Вам немного удовольствия.

Работа над моими мемуарами потихоньку продвигается. Я прочел часть из них — о моем первом путешествии в Петербург в 1906 г. — в Майнцском университете³. Это восприняли с энтузиазмом не только слависты, но и, в первую очередь, молодежь. Стало очевидно, что мне придется закончить свои воспоминания, по крайней мере, о проведенном в России времени, так как они, судя по всему, производят неизгладимое впечатление. В конце концов, я последний на Западе⁴. А на Востоке была еще Анна Андреевна Ахматова⁵, и в данный момент есть еще Сергей Митрофанович Городецкий⁶, но первая в нашем кругу появилась поздно, а последнего, к сожалению, поначалу слишком опекали коммунисты. Таким образом, мои мемуары будут очень ценными. Я долго, много лет, сопротивлялся их написанию, но одному из моих издателей все-таки удалось переубедить меня. Однако, как уже сказано, продвигается это все медленно. Я не думаю, что ранее следующего года мне что-либо удастся доделать.

Еще раз тысяча благодарностей, мой дорогой друг, когда ты становишься старым, ты радуешься, что у тебя есть такие друзья.

Моя жена передает Вам привет; позвольте мне Вас мысленно обнять.

С наилучшими пожеланиями,
всегда Ваш

Иоганнес ф. Гюнтер

Господину профессору Игорю Чиннову
The University of Kansas
Department of Slavic Languages and Literatures
Lawrence, Kansas 66045

¹ Ко дню рождения фон Гюнтера был действительно выпущен юбилейный сборник: *Festgabe für Johannes von Guenther zum 80. Geburtstag am 26. Mai 1966* / Hrsg. von E. Müller-Kamp. München [et al.]: Biederstein Verl. [et al.], 1966. Книга сохранилась в архиве Чиннова.

² В своей статье Юрий Семенов восхищается мастерством переводов фон Гюнтера и подчеркивает, что его переводы внесли большой вклад в понимание русской литературы немецкоязычными читателями, см.: *Semjonow J. Johannes von Guenther und die russische Literatur // Festgabe für Johannes von Guenther zum 80. Geburtstag*. S. 19–36.

³ Фон Гюнтер прочел в Майнцском университете лекцию о русских писателях и поэтах Серебряного века 21 ноября 1968 г.

⁴ По-видимому, фон Гюнтер имеет в виду последних оставшихся в живых литераторов, так или иначе связанных с журналом «Аполлон».

⁵ 5 марта 1966 г., за четыре месяца до отправки фон Гюнтером этого письма, умерла Анна Андреевна Ахматова (наст. фамилия Горенко; 1889–1966). Фон Гюнтер пишет в своих мемуарах, что в «Аполлоне» Анна Ахматова первый раз появилась только осенью

1910 г., см.: *Guenther J. von*. Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München. S. 334.

⁶ К середине первого десятилетия XX в. стихи Сергея Городецкого стали очень популярны в России, особенно среди молодежи. Известна его деятельность по пропаганде писателей из народа. Он даже пытался создать кружок «народных писателей». Умер С.М. Городецкий спустя год после написания фон Гюнтером этого письма.

12

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56

Telefon Seeshaupt 605

Den 13.01.<19>67

Mein liebster und teuerster Freund,

Haben Sie sehr schönen Dank für Ihre Weihnachtswünsche und Ihre Wünsche für ein gutes neues Jahr, die wir auf das herzlichste erwidern.

Ihnen müssen die Ohren geklungen haben, denn ich traf Anfang Dezember in Passau mit unserem gemeinsamen Freunde Dr. Heinrich Stammer zusammen, der uns viel von Ihnen erzählte. Sie haben sich also anscheinend dort schon ganz richtig eingerichtet, zumal Sie schreiben, dass Sie mit einem Hauskauf befasst sind. Alles Gute dazu, alles Gute von Herzen, aber lassen Sie mich trotzdem hoffen, dass ich Sie noch, bevor ich den endgültigen Abmarsch antrete, einmal wiedersehen darf.

Ich hatte keine gute Zeit: aus Passau brachte ich eine Grippe mit, die mich bis Weihnachten beschäftigte. Keine schöne Beschäftigung. Und jetzt sitze ich schon fest an der Arbeit. Ich muss ja soviel nachholen und aufholen.

Ich bin mit meinen Erinnerungen endlich wieder ein bisschen weitergekommen. Es ist eine komische Arbeit, so von sich zu schreiben, aber es scheint, dass meine Erinnerungen an Russland für manche von einiger Bedeutung werden könnten. Meine erste Petersburger Reise 1906 habe ich im vorigen Sommer in Mainz an der Universität vorgelesen und erzielte damit grade bei der Jugend einen hinreissenden Erfolg. Ich bin vielleicht wirkli[ch] der letzte, der diese Zeiten miterlebt hat und daher ist es vielleicht in gewisser Hinsicht nötig, dass ich darüber schreibe. Hoffentlich gibt mir der Himmel Zeit und Geduld.

Meine grosse russische Gedichtanthologie werde ich kaum vor dem Sommer fertigstellen können, so sehr bin ich mit laufenden Arbeiten überbesetzt. Diese Anthologie wird ebenfalls eines der Krönchen sein, mit denen ich meine Lebensarbeit zieren werde. Es kommt immer wieder neues dazu: zu Weihnachten schicke mir der erstaunliche Erzbischof von San Francisco seine Gedichte, die überraschend sind: er ist, glaube ich, der erste, der diese Art Spruchdichtung in Russland betreibt. Es sind einpaar ausserordentliche

Dinge, in den zwei schmalen Gedichtheften, von denen man immer wieder erstaunt feststellen muss: es sind keine Gedichte und doch sind es Gedichte. Es ist etwas überraschend Neues.

Auch Brodskij musste in letzter Zeit berücksichtigt werden. So kommt immer etwas Neues dazu.

Mit allen guten Grüßen und Wünschen von uns beiden und immer noch voller Hoffnung, dass wir Sie vielleicht doch noch wiedersehen werden,
stets Ihr alter

Johannes v. Guenther

Herrn Professor Igor Cinnovs¹ [sic!]
The University of Kansas
Department of Slavic languages
Lawrence, Kansas 66045

¹ На сохранившемся конверте получатель указан как «Herrn Professor Igor Chinnovs» («Господину профессору Игорю Чинновсу»).

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
13.01.<19>67

Мой любимейший и дражайший друг,
большое Вам спасибо за добрые пожелания к Рождеству и Новому году.
И мы, в свою очередь, от всего сердца поздравляем Вас.

У Вас должны были гореть уши, потому как в начале декабря я встретился с нашим общим другом, доктором Генрихом Штаммлером, который много рассказывал нам о Вас. Очевидно, Вы все же неплохо там устроились, если пишете, что занимаетесь покупкой дома. От всего сердца поздравляю Вас с этим, но позвольте мне надеяться, что несмотря на это я еще раз повидаюсь с Вами прежде, чем отойду в мир иной.

У меня был скверный период, мне нездоровилось: из Пассау я привез грипп, который беспокоил меня до Рождества. Не лучшее занятие, однако. А сейчас я уже плотно занят делами, ведь мне столько всего нужно завершить и навестать.

Наконец-то я немного продвинулся в своих мемуарах. Чудная это работа — писать о себе, но мне думается, что мои воспоминания о России для некоторых могут оказаться нужными. Прошлым летом в Майнцском университете я прочел отрывок о своей первой поездке в Петербург в 1906 г. и имел потрясающий успех непосредственно у молодежи. Возможно, я в самом деле последний из тех, кто пережил эти времена,

и потому, в определенном смысле, необходимо, чтобы я об этом написал. Надеюсь, Небеса ниспошлют мне время и терпение.

Вряд ли я успею закончить свою большую антологию русской поэзии до лета — настолько я перегружен текущей работой. Эта антология также станет одной из тех жемчужин, которые украсят мой жизненный труд. Все время появляется что-то новое: удивительный архиепископ из Сан-Франциско¹ прислал мне к Рождеству свои стихи, которые совершенно поразительны. Я думаю, он первый в России, кто пишет гномические стихотворения такого рода. В двух тонких тетрадках со стихами есть пара исключительных вещей, читая которые, снова и снова с удивлением обнаруживаешь: это не стихи, но все-таки это стихи. Это нечто совершенно новое.

В последнее время мне приходится считаться также и с Бродским². Таким образом, все время появляется что-то новое.

С приветом и наилучшими пожеланиями от нас обоих и с надеждой, что мы все-таки еще увидимся,
всегда Ваш,

старина фон Гюнтер

Господину профессору Игорю Чинновсу
The University of Kansas
Department of Slavic languages
Lawrence, Kansas 66045

¹ Имеется в виду Иоанн, архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский (в миру князь Дмитрий Алексеевич Шаховской, 1902–1989) — поэт, литературный критик. В эмиграции с 1920 г. Печатался под псевдонимом Странник. К 1967 г. последней из его вышедших книг стихов была «Книга лирики» (Париж, 1966). Возможно, в письме идет речь о ней.

² Бродский Иосиф Александрович (1940–1996) — поэт, переводчик, драматург. В 1964 г. он был арестован по обвинению в тунеядстве, приговорен к пяти годам принудительных работ и выслан в Архангельскую область. Но в 1965 г., в результате активного правозащитного движения в его поддержку, в котором принимала участие и Анна Ахматова, Бродский был освобожден досрочно. В СССР его практически не печатали, но его стихи появлялись во многих эмигрантских изданиях и активно переводились на Западе. В 1972 г. он эмигрировал в США. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 г.

13

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
Den 2.10.<19>67

Mein lieber junger Freund,

Sie haben uns eine schöne Karte geschickt, es ist zwar schon ziemlich lange her, aber das macht nichts, ich war sehr glücklich, von Ihnen wieder zu hören.

Natürlich würden meine Frau und ich uns noch viel mehr freuen, wenn wir die Möglichkeit sehen würden, Sie wieder einmal bei uns begrüßen zu dürfen, denn es ist wirklich schon zu lange her, dass wir Sie zum letztenmal bei uns sahen. Die grossen Männer in den Vereinigten Staaten sollen doch, wie man mir glaubhaft berichtet hat, stets nett sein und lange Urlaube gewähren. Warum bekommen Sie keinen? Es wäre wirklich an der Zeit, denn ich bin sicher, dass Ihre europäischen Freund[e] sich nach Ihnen verzappeln.

Ich habe im Augenblick eine insofern gute Zeit, als die Dichterin Irina Odojewzewa unsere Nachbarin geworden ist und hier eine Kur durchmacht. Wir sehen Sie häufig und sind sehr froh darüber. Ausserdem erwarten wir im Oktober den Besuch des Erzbischofs Joann aus San Francisco und freuen uns jetzt schon darauf, denn unsere Briefwechsel war sehr interessant.

In Russland sieht es immer noch nicht so aus, dass man frohen Mutes Atem schöpfen könnte. Wann wird endlich diese schwere und drückende Anfechtung vorüber sein?!

Es wäre kostbar, wenn Sie sich entschliessen könnten, liebster junger Freund, einen schönen langen Brief zu schreiben, denn ich habe wirklich Sehnsucht danach, von Ihnen zu hören.

Mit allen guten Grüßen und Wünschen auch von meiner Frau
stets Ihr

Johannes v. Guenther

Herrn Professor Igor Chinnov [sic!]

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon Seeshaupt 605
2.10.<19>67

Мой дорогой юный друг,

Вы прислали нам красивую открытку, и хоть это и было довольно давно, тем не менее, я был очень счастлив получить от Вас весточку.

Конечно, мы с супругой обрадовались бы еще больше, если бы у нас появилась возможность снова Вас повидать, потому как прошло уже действительно слишком много времени с тех пор, как Вы в последний раз нас навещали. Мне убедительно рассказывали, что большие люди в Соединенных Штатах всегда милы и предоставляют долгие отпуска.

Почему же Вы никак не получите отпуск? Поистине время для этого уже наступило, ибо я уверен, что Ваши европейские друзья все уже с нетерпением ожидают Вас.

Сейчас я счастлив оттого, что нашей соседкой стала Ирина Одоевцева, приехавшая сюда на курорт. Мы часто ее видим и очень этому рады. Кроме того, в октябре мы ожидаем у себя архиепископа Иоанна из Сан-Франциско и уже радуемся этому, так как наша с ним переписка была весьма увлекательной.

Ситуация в России все еще не позволяет вдохнуть полной грудью. Когда же, наконец, закончится это тяжелое и гнетущее испытание?!

Было бы бесценно, если бы Вы, любимый юный друг, решились написать длинное послание, потому как я испытываю нестерпимое желание получить от Вас весть.

Со всеми добрыми пожеланиями от меня и от моей супруги,
всегда Ваш

Иоганнес ф. Гюнтер

Господину профессору Игорю Чиннову

14

Den 15.1.<19>68¹

Teuerster Freund,

Schönsten Dank für Ihre Wünsche zum neuen Jahr. Wir können es gut brauchen, denn das vorige Jahr war für uns gesundheitlich sehr schlecht. Sowohl für meine Frau als auch für mich. Für mich war es sogar besonders hart, weil ich durch eine Nervenentzündung sechs Monate zu schreiben verhindert war und somit alles liegen bleiben musste. Ich habe erst vor kurzem wieder angefangen, meine Erinnerungen, die ja für Russen besonders interessant sein werden, weiterzuschreiben.

Schade, dass Sie, teuerster junger Freund, verhindert sind, nach Europa zu kommen. Aber lassen Sie mich trotzdem hoffen, dass ich Sie noch einmal wiedersehen werde. Ich bin zwar schon sehr alt, ich werde im kommenden Mai 82, und ich kann jeden Tag abberufen werden, trotzdem hoffe ich immer noch wie ein zwanzigjähriger auf Dinge, die manchmal sogar in Jahren erst möglich sein werden. So leichtsinnig sind die Menschen.

Mit allen guten Grüßen von meiner Frau und mir,
stets Ihr

Johannes v. Guenther

Herrn Professor Igor Chinnov [sic!]

The University of Kansas

Lawrence/Kansas 66044

¹ На сохранившемся конверте письма указан адрес отправителя: «Seeshaupt/Ob<er>ba<ayern> | Pettenkoferallee 56».

15.1.<19>68

Дражайший друг,
огромное спасибо за ваши пожелания к Новому году. Они придутся нам весьма кстати, так как прошедший год был скверным для нас в плане здоровья. Как для моей жены, так и для меня. Для меня он был особенно тяжелым, так как из-за неврита я был шесть месяцев лишен возможности писать и потому вынужден был все отложить. Лишь недавно я возобновил работу над моими воспоминаниями, которые, кстати, будут особенно интересны русским.

Жаль, что вы, дражайший юный друг, не можете приехать в Европу. Но позвольте мне все же надеяться на то, что я вас еще раз увижу. Хотя я уже и очень стар — в этом мае мне исполнится восемьдесят два и я в любой момент могу покинуть сей мир, однако я все еще, словно двадцатилетний, надеюсь на исполнение вещей, которым и вовсе могут потребоваться на это годы. Так безрассудны люди.

Со всеми наилучшими пожеланиями от моей жены и меня,
всегда Ваш

Иоганнес ф. Гюнтер

Господину профессору Игорю Чиннову
The University of Kansas
Lawrence/Kansas 66044

15

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon: Seeshaupt 605
den 15.01.<19>69

Mein lieber und teurer junger Freund,

Allerschönsten Dank für Ihre guten Zeilen zu Weihnachten und zum neuen Jahr. Professor Stammer hat mir auch schon geschrieben, dass Sie beide sich ausführlich mit mir beschäftigt haben. Das ist eine Auszeichnung, denn es ist stets ein Glück, wenn wirkliche gute und wesentliche Menschen sich mit uns beschäftigen.

Wir haben Sie lange nicht mehr gesehen, Teuerster, und wir würden sehr glücklich sein, wenn Ihr Weg Sie wieder nach Deutschland und vor allem nach Seeshaupt zu uns führen[] sollte. Meinen Sie, dass das in dem angebrochenen Jahr möglich sein wird?

Liebster[]Freund, meine Frau und ich wünschen Ihnen von Herzen ein glückhaftes und gesundes neues Jahr, ein Jahr grosser Erfolge und ein Jahr, indem sich das erfüllen möge, was Sie sich selber wünschen.

Alles alles Gute von Herzen
stets Ihr

Johannes v. Guenther

Herrn Professor Igor v. Chinnovs [sic!]
1637 Barker Ave.
Lawrence/Kansas 66044

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56
Telefon: Seeshaupt 605
15.01. <19>69

Мой дорогой и любимый юный друг,
огромное спасибо за Ваши добрые строки на Рождество и на Новый год. Профессор Штаммлер тоже уже писал мне, что Вы оба мной подробно занимались¹. Это всегда большая награда и счастье, когда такие замечательные и значительные люди занимаются тобой.

Дорогой мой, мы уже давно Вас не видели и были бы очень счастливы, если бы Ваш путь привел Вас в Германию, и в первую очередь к нам, в Зеесхаупт. Как Вы думаете, может ли это произойти в наступившем году?

Драгоценнейший друг, моя жена и я от всего сердца желаем Вам счастья и здоровья в Новом году, больших успехов и исполнения всего того, чего Вы сами себе желаете.

Всего Вам самого наилучшего,
всегда Ваш

Иоганнес ф. Гюнтер

Господину профессору Игорю ф<он> Чинновсу
1637 Barker Ave.
Lawrence/Kansas 66044

¹ В 1971 г. профессор Штаммлер публикует рецензию на книгу фон Гюнтера «Жизнь на восточном ветру. Между Петербургом и Мюнхеном» (см.: *Stammeler H.A. [Kritik] // Canadian-American Slavic Studies*. 1971. Vol. 5, iss. 1. P. 123–124. Рец. на кн.: *Guenther J. von. Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München. München: Erinnerungen, 1969*).

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56

Telefon: Seeshaupt 605

den 30.5. <19>69

Mein lieber junger Freund,

Schönsten Dank für Ihre Sendung Ihrer neuen Gedichte, die mir ausserordentlich gut gefallen. Sie sind wirklich ein Dichter, mein Freund, und in Ihren Gedichten lebt mein silbernes Zeitalter, an dem ich ja so liebevoll tätig mitwirken durfte, Sie hätten gut zu uns in den Kreis des Apollon gepasst, Sie sind kein Epigone, Sie schreiben eine sehr eigene und manchmal überaus eigene Sprache, aber auch damals hätte man Sie anerkannt und vielleicht sogar mehr als heute. Ich freue mich immer, wenn ich von Ihnen höre, immer wenn ich Gedichte von[]Ihnen lese. Es ist ja sonderbar, dass man so stark für Gedichte leben kann, aber ich glaube, dass nichts auf der Welt notwendiger[]ist, als das Gedichtete Wort. Sie verstehen mich.

Wir waren sehr froh, Nachricht von Ihnen zu erhalten, vor allem, dass wir endlich eine brauchbare Adresse von Ihnen hatten, denn ich habe seit Monaten vergeblich versucht, Sie zu erreichen. Alle Briefe kamen immer wieder zurück, es schien niemand zu wissen, wo Sie sind. (Sonderbarerweise passiert mir das gleiche mit Gleb Struve, denn auch die Briefe an ihn kommen zurück. Wissen Sie vielleicht wo er ist?)

Es ist schon eine kleine Ewigkeit her, seit wir Sie das letztmal bei uns begrüßen durften. Eine kleine Ewigkeit. Und wir sind eigentlich traurig, dass die Zeit sich so unerbittlich zwischen uns gehängt hat. Lassen Sie uns hoffen, dass Sie bald einen längeren Urlaub erhalten werden und dass Sie dann[] das alte Europa wieder aufsuchen werden. Wenn ich dann noch lebe (ich bin eben 83 geworden), werde ich mich freuen, Sie wiedersehen zu dürfen.

Aber schreiben Sie vorher, damit wir in Tuchfühlung bleiben, wir werden nämlich Ende dieses Jahres Seeshaupt verlassen und wieder nach Kochel, wo ich fünfzehn Jahre gelebt habe, zurückgehen.

Alles alles Gute, lieber junger Freund, und nochmals innigen Dank
stets Ihr

Johannes v. Guenther

Mr, [sic!] Igor Cinnov [sic!]

Slavic Dep. CL 442

University of Pittsburgh

Pittsburgh, Pa 15213

8124 Seeshaupt. Pettenkoferallee 56

Telefon: Seeshaupt 605

30.5. <19>69

Мой дорогой юный друг,
большое спасибо за Ваши новые стихи, которые Вы мне прислали и которые чрезвычайно мне понравились¹. Мой друг, Вы настоящий поэт, и в Ваших стихотворениях витает мой Серебряный век, в котором я имел счастье жить и творить. Вы бы отлично вписались в наш аполлоновский кружок, Вы не эпигон, Ваш язык самобытен, иногда даже чересчур самобытен, Вы пользовались бы тогда признанием, возможно, даже большим, чем сейчас. Я радуюсь каждый раз, когда слышу о Вас, когда читаю Ваше стихотворение. Ведь это так необыкновенно — посвятить всего себя поэзии, но я думаю, что нет ничего в мире более необходимого, чем поэтическое слово. Вы меня понимаете.

Мы были рады получить от Вас известия, и особенно тому, что у нас, наконец-то, есть Ваш нынешний адрес, потому как я в течение уже нескольких месяцев тщетно пытался с Вами связаться. Все письма возвращались назад, казалось, никто не знал, где Вы находитесь. (Странно, но то же самое происходит у меня с Глебом Струве², и все мои письма к нему возвращаются.) Быть может, Вам известно, где он?

Прошла уже почти вечность с тех пор, как мы в последний раз принимали Вас у себя. Почти вечность. И нам грустно, что нас неумолимо разделило время. Разрешите нам надеяться на то, что Вы скоро отправитесь в продолжительный отпуск, который приведет Вас в старушку-Европу. Если к этому времени я еще буду жив (ведь мне уже семьдесят три), то буду очень счастлив увидеть Вас снова.

Только напишите предварительно, чтобы мы могли быть на связи: в конце этого года мы уедем из Зеесхаупта и опять вернемся в Кохель³, где я прожил пятнадцать лет.

С наилучшими пожеланиями, мой дорогой юный друг, и еще раз огромное спасибо,

всегда Ваш

Иоганнес ф. Гюнтер

Г-ну Игорю Чиннову
Slavic Dep. CL 442
University of Pittsburgh
Pittsburgh, Pa 15213

¹ Скорее всего, речь идет о книге стихов Чиннова «Метафоры».

² Струве Глеб Петрович (1898–1985) — литературовед, журналист, переводчик, профессор славянской литературы в университете Беркли до 1967 г.

³ Местечко в Верхней Баварии.

17

D<eutschland> 8113 Kochel am See
 Am Lainbach 51
 Telefon 08851/499
 22.1.<19>71

Mein lieber und teuerster junger Freund,

Vielen Dank für Ihre hübsche Karte zu Weihnachten. Ich danke Ihnen dafür und ich danke Ihnen für Ihre guten Worte an meinem «Leben im[] Ostwind», der zweite Teil, an dem ich viel arbeite, wird in diesem September erscheinen, freilich wird es für Sie erheblich weniger interessant sein, weil er ja im Grunde genommen nur mein verdriessliches Leben im Westwind schildert, von 1914 bis heute. Das russische Milieu war viel anziehender.

Sie sind nach Nashville gezogen; wie Sie aus dem Briefkopf sehen, bin ich ebenfalls im vorigen Jahr umgezogen: wir leben jetzt in[]Kochel, von wo ich 1953 nach Seeshaupt zog. Ich bin also wieder nach Kochel zurückgekehrt. Kein Wunder, da ich ja konservativ bin.

Sie schreiben mir, dass Sie mir Ihre zwei neuen Gedichtbände senden. Die sind freilich bisher noch nicht eingetroffen, aber ich schreibe Ihnen schon jetzt, dass ich mich darauf freue, denn Ihre Gedichte, Teuerster, bedeuten mir sehr viel.

Es wäre wunderbar, wenn Sie es möglich machen könnten, in absehbarer Zeit nach Europa zu kommen, ich würde mich ganz besonders freuen, Sie wiederzusehen. Sie müssen allerdings so gut sein, rechtzeitig zu schreiben, denn im Sommer fahren wir meist nach Österreich, wo wir in Bezaun in Bregenzerwalde eine charmante Zweitwohnung haben.

Sie haben gewiss in den «Mosty» ein Stückchen[]meiner Erinnerungen gesehen, ich dagegen habe in den Mosty schöne Gedichte von Ihnen gefunden. Mein Freund, Sie sind wirklich ein Dichter, mit dem man rechnen muss. Wenn meine kleine Literaturgeschichte eine Neuauflage erhält, werde ich in dieser über Sie schreiben.

Mit den besten Grüßen und Wünschen auch von meiner Frau,
 stets Ihr

Johannes v. Günther

Mr. Igor Chinnov
 Vanderbilt University
 Nashville, Tennessee 37203

D<eutschland> 8113 Kochel am See
 Am Lainbach 51
 Telefon 08851/499
 22.1.<19>71

Мой милый и дражайший юный друг,
 большое спасибо Вам за прелестную открытку на Рождество. Благо-

дарю Вас и за Ваши добрые слова о моей книге «Жизнь на восточном ветру». Вторая часть, над которой я много работаю, выйдет в сентябре¹, однако для Вас она будет менее интересна, поскольку, в сущности, в ней описывается моя угрюмая жизнь на западном ветру с 1914-го по сегодняшний день. Русская среда была значительно привлекательнее.

Вы переехали в Нашвилл; как Вы видите из верхней части письма, я также переехал в прошлом году: мы живем теперь в Кохеле, откуда я уехал в Зеесхаупт в 1953 г. И вот я снова вернулся в Кохель. Впрочем, это неудивительно, поскольку я все же консервативен.

Вы пишете мне, что выслали два своих новых сборника стихов². И хотя они еще не дошли, я уже сейчас пишу Вам, что очень им рад, потому что Ваши стихотворения, мой дорогой, очень много для меня значат.

Было бы чудесно, если бы Вы смогли в ближайшее время приехать в Европу, я буду необыкновенно рад снова видеть Вас. Но будьте, пожалуйста, так добры сообщить нам об этом своевременно, потому что летом мы обычно бываем в Австрии, где у нас в Брегенцер-Вальде, в Бецау³, очаровательная вторая квартира.

Вы, должно быть, видели в «Мостах» отрывки моих воспоминаний⁴, я, в свою очередь, нашел в «Мостах» замечательных людей, Ваших знакомых⁵. Мой друг, Вы истинный поэт, с которым должно считаться. Когда будет готовиться новое издание моей краткой истории литературы⁶, я напишу в ней и о Вас.

С наилучшими пожеланиями от меня и моей жены,
всегда Ваш

Иоганнес ф. Гюнтер

Г-ну Игорю Чиннову
Vanderbilt University
Nashville, Tennessee 37203

¹ Вторая часть книги мемуаров фон Гюнтера «Жизни на восточном ветру» так и не была опубликована.

² Скорее всего, речь идет о книгах стихов Игоря Чиннова «Метафоры» и «Партитура» (Нью-Йорк, 1970). Оба сборника находились в библиотеке фон Гюнтера.

³ Комунна в центральной части Брегенцер-Вальда (Брегенцкого леса), региона на западе Австрии, в округе Брегенц (федеральная земля Форальберг).

⁴ См. примеч. 2 к вступ. ст.

⁵ В номере 15 альманаха «Мосты» (где вышли фрагменты мемуаров фон Гюнтера), помимо стихов Чиннова, опубликованы произведения: Л. Ржевского (наст. фам. Суражевский), Д. Кленовского, Ю. Кроткова, И. Елагина (наст. фам. Матвеев), Б. Филиппова (наст. имя Борис Андреевич Филистинский), А. Кторовой (наст. имя Виктория Шандор, урожд. Кочурова), С. Прегель, И. Ельцова, В. Перелешина (наст. фам. Салатко-Петри-

ще), И. Одоевцевой, А. Величковского, В. Самарина (наст. фам. Соколов), Н. Татищева, В. Вейдле, Г. Адамовича, Ю. Иваска, А. Коджака, А. Ржевской (урожд. Шишкова), Г. Кругового, Вяч. Завалишина, Г. Ермолаева, А.Л. Толстой, Д. Шуваловой-Шалыпиной (урожд. Шалыпина), О. Колбасиной-Черновой (урожд. Колбасина), Н. Белинковой, Г. Померанца, Н. Отрадина (псевдоним Геннадия Андреевича Хомякова), И.А. Бунина, Г. Струве. И почти со всеми из них Чиннов действительно был знаком.

⁶ Насколько известно, данное издание так и не вышло.

18

D<etschland> 8113 Kochel am See
Am Lainbach 51
Telefon 08851/499
15.2. <19>71

Mein lieber und teuerster junger Freund,

Haben Sie schönsten Dank für Ihre Zeilen und für Ihre guten Wünsche. Wir bedauern es so sehr, dass Sie so weit von uns sind und dass Sie offenbar noch nicht die Absicht haben, nach Europa zu kommen. Wir würden es sehr begrüßen, mit Ihnen wieder einmal plaudern zu können, denn es ist schon mehr als zehn Jahre her, seit wir Sie zum letztenmal gesehen haben. Sie waren im Dezember 1960 bei uns, ich kann mich noch genau daran erinnern. Zehn Jahre ist eine sehr lange Zeit und überlegen Sie, was alles in der Zwischenzeit geschehen ist.

Auch bei uns: Sie sehen aus dem Briefkopf, dass wir im vorigen April umgezogen sind, und ausserdem haben wir noch in Österreich im Bregenz-erwalde eine Zweitwohnung in Bezau, in der ich sogar noch als alter Mann, der ich ja bin, zu dichten vermag.

Liebster Freund, ich danke Ihnen sehr herzlich für Ihre Gedichtbücher, Ihre Gedichte sind für mich immer eine grosse Freude, denn Originale Lyrik, also nicht Epigonenlyrik, ist heute selten geworden. Sowohl in der Emigration, wie auch in Russland. Aber darüber müsste man sich unterhalten.

Lieber Freund, Sie haben mir zwei Bücher geschickt, aber Ihnen ist offenbar entgangen, dass ich das ältere von beiden, Ihr Buch «Metaphern», schon von Ihnen erhalten habe. Und ich meine, ich habe Ihnen sogar darüber geschrieben, hoffentlich ist kein Brief verloren gegangen. Soll ich diesen Band, den ich doppelt besitze, die «Metaphern» Ihnen zurückschicken, oder soll ich sie einem guten Menschen geben, der etwas von Versen versteht. Bitte entscheiden Sie. Bis dahin liegt das Buch hier und wartet auf Ihre Antwort.

Wirklich, Sie haben eine besondere Art. Ich habe Ihre «Partitur» mit lebhaftem Interesse gelesen. Der Ton Ihrer Gedichte wird immer makabrer. Das überrascht bei einem so jungen Menschen wie Sie es sind! Es ist irgendwo der Geist von Gogol, der eine sonderbare Vermählung mit dem Geist von Scho-

penhauer eingegangen ist: Ihre Verse sind reifer und schwerer geworden. Diese nur Ihnen zustehende Mischung von schwerstem überschattetem Tief-sinn und allgemein gebrauchten Redensarten ist selten. Ich müsste einmal Ihre ganzen Gedichtbücher hintereinander weglesen, um mir einen Begriff zu machen.

Ich habe meine grosse Anthologie russischer Lyrik «der Genius Russlands» seit fünf Jahren liegen lassen, denn seit fünf Jahren führe ich den heissen Kampf mit meinen Erinnerungen, der zweite Band ist in diesen Tagen fertig geworden, das heisst in der ersten Redaktion. Bis ich ganz fertig werde, werden noch Monate vergehen, aber dann muss ich mich wieder einmal grundsätzlich mit der russischen Lyrik befassen. Und somit auch ganz eingehend mit Ihnen. Haben Sie Geduld.

Schreiben Sie doch ein Wort, was Sie machen und was Sie denken. Und überlegen Sie, ob nicht Europa doch vielleicht besondere Reize hat.

Alles Gute, lieber Freund, wir wünschen Ihnen eine gute Zeit und neue schöne Verse. Mit den besten Grüßen auch von meine Frau
stets Ihr

Johannes v. Guenther

Mr. Igor Chinnov¹

Vanderbilt University [sic!]

Nashville, Tennessee 37203

¹ На сохранившемся конверте получатель указан как «Mr. Igor Chinnow».

D<etschland> 8113 Kochel am See

Am Lainbach 51

Telefon 08851/499

15.2.<19>71

Мой милый и дражайший юный друг,
большое спасибо за Ваши строки и за Ваши добрые пожелания. нас очень огорчает, что Вы далеко от нас и, судя по всему, еще не намереваетесь ехать в Европу. Мы были бы очень рады снова с Вами поболтать, т. к. с нашей последней встречи прошло вот уже более десяти лет. Вы были у нас в декабре 1960 г., я еще очень хорошо помню это. Десять лет — большой срок, и представьте себе только, сколько всего за это время произошло.

И у нас тоже — из верхней части письма Вы видите, что мы переехали в прошлом апреле, и, кроме того, в австрийском Брегенцер-Вальде¹ у нас еще есть вторая квартира в Бецау², в которой я, даже будучи стариком, могу писать стихи.

Милейший друг, я благодарю Вас от всего сердца за Ваши сборники стихов. Ваши стихи доставляют мне большую радость, потому

что подлинная неэпигонская лирика сегодня стала редкостью, как в эмиграции, так и в России. Но об этом нам надо с Вами побеседовать лично.

Дорогой друг, Вы прислали мне две книги, но, очевидно, упустили из виду, что раннюю из них, Ваши «Метафоры», я уже получил. И мне кажется, я даже писал Вам об этом, надеюсь, письмо не потерялось. Следует ли мне этот том «Метафор», который у меня теперь имеется в двух экземплярах, отослать Вам обратно, или лучше отдать его хорошему человеку, который кое-что понимает в стихосложении? Пожалуйста, решите; до того времени книга будет находиться у меня и дожидаться Вашего вердикта³.

В самом деле, у Вас совершенно оригинальная манера. Я с живым интересом читал Вашу «Партитуру»⁴. Тон Ваших стихов становится все мрачнее, что удивительно для столь молодого человека, как Вы! Это какое-то своеобразное сочетание гоголевского духа с духом Шопенгауэра: Ваши строки стали более зрелыми и тяжелыми. Эта одному лишь Вам присущая способность выразить тягчайший, мрачный, глубинный смысл простыми, повседневными оборотами речи встречается очень редко. Мне надо было бы еще раз перечитать все Ваши сборники стихов, чтобы составить себе о них полное представление.

Пять лет назад я забросил мою антологию русской литературы «Гений России», потому что все эти пять лет я веду горячую борьбу с моими мемуарами. В эти дни я окончил второй том, по крайней мере, в первой редакции. Пройдет еще несколько месяцев, прежде чем я закончу его полностью, но для этого мне следует еще раз основательно заняться русской лирикой. В том числе и Вами. Наберитесь терпения.

Напишите мне пару слов о том, что Вы делаете и о чем думаете. И подумайте, быть может, Европа все же обладает чем-то притягательным.

Всего Вам хорошего, милый друг, мы желаем Вам новых и прекрасных стихов. С наилучшими пожеланиями также и от моей жены,

всегда Ваш

Иоганнес ф. Гюнтер

Г-ну Игорю Чиннову
Vanderbilt University
Nashville, Tennessee 37203

¹ См. примеч. 3 к п. 17.

² См. примеч. 3 к п. 17.

³ После смерти фон Гюнтера его библиотека была передана университетской библиотеке Тюбингена.

⁴ Имеется в виду издание: Чиннов И. Партитура. Нью-Йорк: Новый журнал, 1970.

D<deutschland> 8113 Kochel am See
 Am Lainbach 51
 Telefon 08851/499
 26.8.<19>71

Mein lieber und teuerster junger Freund,
 oder soll ich lieber sagen: hochverehrter Herr Professor?

Zunächst einmal müssen Sie sich unbedingt unsere neue Adresse aufschreiben: Wir haben ein Haus in Kochel, wo ich vor langen Jahrzehnten fast dreizehn Jahre gewohnt habe. Jetzt wohne ich zum Ende meines Lebens wieder hier, wenn ich auch von Zeit zu Zeit mit meiner Frau nach Österreich ausreise, wo wir ein hübsches Haus für den Sommer gemietet haben. Österreich ist meist ruhiger als Bayern und ich kann dort gemächlicher schreiben.

Wir werden zwar im September wieder in Bezaun sein, aber schreiben Sie ruhig hierher, uns wird alles nachgesandt; schreiben Sie aber nicht nach Seeshaupt, denn wir sind schon vor anderthalb Jahren ganz von dort weggegangen.

Ich danke Ihnen, lieber junger Freund, auf das herzlichste für Ihre guten Worte, die mir natürlich sehr gut eingegangen sind. Man hat mich zu meinem[]85. Geburtstag ganz ausserordentlich verwöhnt, insbesondere hat die liebe Irina Wladimirowna Odojewzewa mir eine besonders liebe Aufmerksamkeit gewidmet.

Ihrem Brief entnahm ich mit besonderem Vergnügen, dass Sie im nächsten Sommer nach Europa fahren wollen. Das ist herrlich, denn meine Frau und ich werden uns ganz besonders innig freuen, Sie einmal wiedersehen zu dürfen. Das wird uns eine ganz besondere Genugtuung sein. Sie müssen uns nur rechtzeitig schreiben, damit wir Ihnen rechtzeitig mitteilen können, wo wir dann sein werden, in Deutschland oder in Österreich. Da Österreich Sie nicht schreckt, wird es uns auch dort eine Freude sein, Sie wiederzusehen.

Mit allen guten Grüßen und Wünschen von uns beiden
 stets Ihr alter

Johannes v. Guenther

Herrn Professor Igor Chinnov [sic!]
 Vanderbilt University
 Nashville, Tennessee 37203
 Slavic Language und Area Center
 Box 6174¹

¹ На сохранившемся конверте последняя часть адреса получателя указана как «Box 6174» (англ. — почтовый ящик 6174).

D<eutschland> 8113 Kochel am See
Am Lainbach 51
Telefon 08851/499
26.8.<19>71

Мой милый, дражайший юный друг,
или, лучше сказать, многоуважаемый профессор?

Прежде всего, Вы непременно должны записать себе наш новый адрес: у нас есть дом в Кохеле, где давным-давно я прожил почти тринадцать лет. И вот под конец моей жизни я снова живу здесь, даже если мы с женой и выезжаем время от времени в Австрию, где снимаем на лето прелестный домик. Австрия по большей части спокойнее, чем Бавария, и мне удобнее там писать.

Правда, в сентябре мы снова будем в Бецау, но Вы можете спокойно писать сюда, все письма будут нам доставлены, только, пожалуйста, не пишите в Зеесхаупт, мы уже полтора года назад уехали оттуда насовсем.

Я благодарю Вас от всего сердца, дорогой юный друг, за Ваши добрые слова, которые, конечно, мне были приятны. Меня избаловали на мой 85-й день рождения, в частности, дорогая Ирина Владимировна Одоевцева уделила мне особое внимание¹.

С большим удовольствием я узнал из Вашего письма, что следующим летом Вы хотите приехать в Европу. Это прекрасно, так как мы с женой будем искренне рады возможности вновь Вас видеть, Вы бы сделали нам этим большое одолжение. Вы только напишите нам свое-временно, чтобы мы успели Вам сообщить, где мы будем — в Германии или в Австрии. Поскольку Австрия Вас не пугает, мы с радостью увиделись бы там с Вами.

С наилучшими пожеланиями от нас обоих,
всегда Ваш старый

Иоганнес ф. Гюнтер

Господину профессору Игорю Чиннову
Vanderbilt University
Nashville, Tennessee 37203
Slavic Language und Area Center
Box 6174

¹ См.: Одоевцева И. К 85-летию Иоганна фон Гюнтера // Русская мысль. 1971. 17 июня. С. 8.